

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Конституционное, муниципальное
и административное право

Ю. В. Пуздрач

**ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА
IX–XX веков**

Юридический центр Пресс

Конституционное, муниципальное
и административное право

Юрий Пуздрач

**История российского
конституционализма IX–XX веков**

«Юридический центр»

2004

УДК 34.728

ББК 67.400

Пуздрач Ю. В.

История российского конституционализма IX–XX веков / Ю. В. Пуздрач — «Юридический центр», 2004 — (Конституционное, муниципальное и административное право)

Книга посвящена одной из наименее изученных проблем отечественной истории – становлению конституционализма в России. Читатель не только проследит историю Российского государства через призму анализа усиления самодержавия и попыток его ограничения, но, может быть, и согласится с автором в том, что общество так и не сумело позитивно для себя изменить порядок и режимы взаимоотношений с государством. А это значит, что Россия, к сожалению, до сих пор не может выйти из монархического периода своей истории, несмотря на то, что формально самодержавие в нашей стране не существует уже много лет. Для преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся правовыми и историческими аспектами развития отечественной государственности. The book is devoted to one of the least studied problems of history of our country – the formation of constitutionalism in Russia. The reader will not only retrace the history of the Russian State in the light of the analysis of strengthening the autocracy and attempts to restrict it, but, may agree with the author that society failed to change the order and regimes of relations with the State positively for itself. It means that, unfortunately, so far Russia has been unable to leave the monarchist period of its history despite the fact that formally the autocracy does not exist in our country for many years. The book is addressed to professors, post-graduates, and students as well as to everybody who is interested in legal and historical aspects of the development of statehood of our country.

УДК 34.728

ББК 67.400

© Пуздрач Ю. В., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	7
Глава 1	11
§ 1. Становление основ российской государственности	11
§ 2. Особенности и закономерности разрешения внутренних противоречий процесса становления Российского государства	24
Глава 2	49
§ 1. Субъекты и изначальные попытки ограничения самодержавия	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Владимирович Пуздрач
История российского
конституционализма IX–XX веков

© Ю. В. Пуздрач, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

Yu. V. Puzdrach

History of Russian Constitutionalism IX–XX centuries

© Yu. V. Puzdrach, 2004

© Yuridichesky Center Press, 2004

Введение

Еще несколько лет тому назад в научном, а тем более в обыденном обиходе этот термин «конституционализм» практически не использовался. В советское время понятие «конституционализм» ассоциировалось с некой политической системой, которая базируется на конституции и соответствующие ей форму и методы правления. Не отрицая этой трактовки, уточним, что сегодня конституционализм как общественно-политическое и правовое явление, понимается несколько иначе.

О нем часто говорят как о научной концепции или конституционно-правовой идеологии. Например, венгерский автор А. Шайо, воспринимая конституционализм концептуально, пишет, что это не что иное, как ограничение государственной власти в интересах общественного спокойствия¹. Обратив внимание на ключевое словосочетание данного определения – «ограничение государственной власти» и опираясь на нормы действующей в России Конституции, попробуем уточнить формулировку. Конституционализм – это такая система правления, при которой власть государственных органов ограничена, зависима и подконтрольна источнику этой власти – народу.

Конституционализм понимается также как практика общественного и государственного развития и высшая реальность конкретного общества и государства. Так, профессор Института государства и права И. М. Степанов утверждает, что конституционализм – это «история и практика конституционного строительства в той иной стране, группе стран...»²

Такое понимание термина требует некоторого комментария и уточнения. Конституционализм как целостное понятие появилось относительно недавно, однако если воспринимать его как систему механизмов, ограничивающих государственную власть, то попытки ее ограничения начались очень давно, более того они сопровождают человечество на протяжении всей истории. Античность и европейское Средневековье, не говоря уже о новом и новейшем времени, изобилуют примерами противоборства государства и общества. Государство во все времена стремится к полноте власти и отсутствию какого-либо контроля при ее осуществлении, и во все времена общество сопротивляется этому, формулируя идеи демократии, права, гуманизма, плюрализма и т. д. Общество всегда хотело видеть государство справедливым, а позже еще и демократическим, правовым, уважающим и защищающим человека, его права и свободы.

Современное понимание конституционализма неразрывно связано с перечисленными выше древнейшими политико-юридическими ценностями и, что самое главное с исторической практикой их материализации. Таким образом, история современного государства есть не только история событий, войн, династий и т. д., но и история тысячелетней борьбы против монополизма государственной власти, история постепенного изменения качества власти и перехода от государства угнетающего к государству, которое когда-нибудь мы назовем конституционным.

Понятно, что история этой борьбы у каждого народа своя, и Россия здесь не исключение.

Говоря о начале эпохи конституционализма в России, одни авторы вольно или невольно обращают свой взор на 1917 г. – период Февральской и Октябрьской революций, и на 1918 г. – время принятия первой в России кодифицированной конституции. Другие, и их меньшинство, называют 1905–1906 гг., когда впервые было законодательно ограничено самодержавие и приняты акты, имевшие конституционное значение. Рассуждения и тех и других имеют свою положительную аргументацию; с формальной точки зрения эти ученые правы, так как указанные

---

¹ Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 2001. С. 20.

² Юридическая энциклопедия. М., 2001. С. 441–442.

вехи истории России есть не что иное, как вынужденное, а поэтому формальное и во многом фиктивное утверждение конституционализма.

Вынужденное – потому что наличествует уступка власти вследствие революции. Впрочем, как и все реформы в России, нормативный конституционализм утверждался сверху, а значит, с позиций административных, бюрократических, идеологических и других интересов власти. При этом совсем не важно, как эта власть себя называет – монархической, республиканской или рабоче-крестьянской, поскольку основным ее проводником и носителем была и остается бюрократия.³

Формальное, т. е. верхушечное, не рожденное внизу, в толще народной массы, не пробившее себе дорогу в борьбе с государством, не затронувшее интересов народа и души каждого человека, введение конституционных идей, приводит к тому, что «конституция – великая ложь...»⁴

Наконец, фиктивное, так как российская государственная власть, как и любая другая, выстраивая свою конституционность, предоставляя те или иные права населению, строила свою политику под нажимом либо обстоятельств, либо революционной уверенности (в силу цинизма и умысла или неведения и незнания России)⁵ в правильности собственных установлений. Иначе чем объяснить, что многие акты российского государства – при Временном правительстве или при советской власти – с точки зрения прав человека можно рассматривать как акты, опередившие свое время? Это значит, что на всем протяжении XX в. основной проблемой было не отсутствие той или иной конституционной нормы, а ее реализация.

И уж совсем немногие ученые ищут «следы» конституционализма в XVIII–XIX вв.

По мнению автора, чтобы разобраться в истории конституционализма в России, недостаточно ограничиться исследованием событий XVIII–XIX вв., связанных с конкретными планами и попытками ограничения самодержавия как главного условия перехода к конституционной эволюции. Необходимо представить себе исходную концептуальную схему развития России, выявить ее основные элементы и, используя их как критерии анализа, проследить тысячелетний путь развития российской государственности, не гнушаясь при этом, по образному выражению академика Е. В. Тарле, «рефлексии, самоанализа и самоосуждения».⁶

В предлагаемом вниманию читателей издании автор попытается не столько описать состояние государственного строительства и общества в определенную эпоху, сколько представить динамику исторического развития, учитывая преемственность непрерывно развивающихся событий, которые происходят хотя и в разное время, но на основе одних и тех же базовых ценностных установок общественного правосознания и управленческих механизмов. Только через аналитическое обозрение исторического развития могут открыться причины сегодняшних событий. Понимание их придет только тогда, когда исследователь сумеет убедительно доказать, на какой национальной, теоретической, идеологической и практической почве возникла государственно-правовая конструкция российского самодержавия, покажет, как понимали ее значение в те или иные времена, какие цели перед ней ставили и каких результатов от нее ожидали. Наконец, важно увидеть силы, противостоявшие этой конструкции, идеи и организационные модели, лежавшие в основе ее трансформирования. Важно понять логику субъектов этой борьбы, уяснить их цели, а также оценить стоимость каждой победы или поражения. Только проанализировав почти постоянное усиление самодержавия при периодически возникавших попытках его ограничения, увидев российское общество «после многочисленных

---

³ «Что такое „бюрократия“? Не что иное, как неограниченное правление...» (см.: *Витте С. Ю.* Избр. воспоминания. М., 1997. С. 283).

⁴ Это понятие сформулировал С. Ю. Витте в своей записке «Самодержавие и земство» (см.: *Шунов Д. Н.* Воспоминания о думах и пережитом. М., 1918. С. 127).

⁵ См.: *Корелин А. П., Степанов С. А., Витте С. Ю.* – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 246.

⁶ См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 81.

мужественных опытов не достигшим цели, но и не падшим», мы можем понять, куда движемся сегодня.

Представляется, что опыт такого взгляда на русскую историю чрезвычайно актуален, потому что он свидетельствует о некоторой предопределенности общественно-политического развития. В связи с этим позволим себе высказать предположение, что политическая история циклична: люди, на разных этапах развития цивилизации решая, в сущности, одинаковые политические проблемы, движутся по одному и тому же кругу регулирования отношений между государством, обществом и человеком.

Действительно, если обратиться к истории западной цивилизации и рассмотреть различные этапы эволюции человеческого общества с точки зрения развития государственно-правовых отношений, то выяснится, что все они повторяют ставшую классической античную эволюционную модель, которая представляла собой завершившийся период развития человечества. Античность включает в себя и юность, и зрелость, и гибель общественной организации. В этой модели есть все: демократия; олигархия и тирании; свобода и рабство; общество и государство; различные виды регуляции поведения человека, включая манипуляцию общественным сознанием; теоретическое осмысление мира; политика, политики и политические партии; уважение и попрание закона. Античный мир имел множество фундаментальных идей, лежавших в основе его жизни; мы видим их зарождение, изящное (или не очень) осуществление в тех или иных формах и, наконец, разложение этих форм. Именно там возник такой режим отношений, который можно в определенном смысле назвать конституционным. Античная жизнь представляла собой некий заверченный этап развития, цикл, где есть начало и конец, зарождение и гибель, успехи, разочарования, поиски и потери.

История западного общества дает нам возможность проанализировать не только античную модель, но и критически рассмотреть феодальную, буржуазную и современную модели конституционализма, на Западе же рожденные, причем извлечь из этой интеллектуальной деятельности практическую пользу. В связи с этим, думаю, остаются актуальными слова Т. Н. Грановского, произнесенные еще в 1848 г.: «Нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, мы стоим на пороге наблюдателями движения, и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, что мы должны смотреть на историю Запада, так сказать, с мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдания своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение».⁷

Со времени, когда были сказаны эти слова, практически ничего не изменилось: как и раньше, общество имеет возможность анализировать и обобщать западный, так и (что гораздо важнее) отечественный опыт государственного строительства. Отличие состоит лишь в том, что западное общество существенно изменило свои взаимоотношения с государством, а Россия, к сожалению, до сих пор не может вырваться из самодержавного периода своей истории, несмотря на то, что формально самодержавия в нашей стране нет уже много лет. Позиции самодержавия сильны в общественном правосознании, методы и приемы самодержавного правления до сих пор на вооружении у государства, а общество только в самом начале длительного пути к осознанию своей гражданственности.⁸

---

⁷ См.: *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 241.

⁸ В связи с этим уместно вспомнить чрезвычайно любопытную мысль В. О. Ключевского: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» (см.: *Ключевский В. О.* Афоризмы и мысли по истории // *Тайны истории.* М., 1994. С. 151).

Причина такого состояния достаточно очевидна: в истории России не было устойчивого и длительного опыта равноправных отношений между государством и обществом, – государство всегда превалировало над обществом и над отдельным человеком. До последнего времени считалось, что государство необходимо только для того, чтобы собирать налоги, поддерживать порядок и охранять безопасность. При этом не подразумевалось, что государство должно нести ответственность за все общество и каждого своего гражданина в отдельности. Кроме того, история практического конституционализма, начиная с 1905 г., свидетельствует больше о форме, нежели о содержании, в то время как идеал конституционного государства есть чрезвычайно сложная комбинация внешней свободы человека и его внутренней преданности государству. Впрочем, идея эта сформулирована достаточно давно: государство – это не казармы и канцелярии, а мы сами и наши мысли, чувства и отношения.⁹

Таким образом, конституционализм, как и любая другая идея, в соответствии с которой строится государство, может ощущаться смутно, расплывчато и очень ограниченным числом граждан, что всегда было характерно для российского общества. Конституционализм может навязываться силой государственной машины (что и наблюдалось в новейший период отечественной истории), а может стать вполне осознанной необходимостью большинства людей, если конституционная норма соответствует уровню общественного правосознания. Конституционная государственность – это не искусственно созданный механизм, а медленно развивающаяся потребность народа, его убежденность в том, что свобода за ночь не придет, что все новое произрастает только от корней и что истинный прогресс – явление исключительно консервативное,¹⁰ эволюционное, а отнюдь не спонтанное или революционное.

Поэтому представляется, что одной из актуальных проблем отечественной государственно-правовой науки является анализ истории российского государства посредством теоретического и практического восприятия и становления конституционализма, чему, собственно, и посвящена настоящая книга.

---

⁹ См.: *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 1993. Т. 3. С. 512.

¹⁰ См.: *Ильин И. А.* Соч. М., 1998. Т. 6. Кн. 3. С. 233.

Глава 1

Основания, особенности и закономерности формирования Российского государства

§ 1. Становление основ российской государственности

Прежде чем говорить о каких-либо чужеродных заимствованиях в государственном строительстве и рассуждать о том, какие приемы управления принесли на русскую землю варяги, византийцы и татары, видимо, следует сформулировать исходное общественно-политическое состояние Древней Руси до варягов, до принятия христианства и до татар. Это необходимо сделать для того, чтобы определить, что в российской государственности, структурах управления, механизмах и приемах осуществления власти свое, исконное, а что чужеродное, навязанное, что предано забвению, а что культивируется до сих пор, что соответствует нашей культуре, а что – нет.

В Древней Руси сформировалось понятие земли¹¹, которое включало в себя ту или иную русскую народность и пространство, где она (народность) размещалась.¹²

С древности славяне жили дворами, которые множились и, соединенные между собой, составляли села и «веси». Потребность во взаимной защите и взаимопомощи вынуждала их силами нескольких, близко расположенных между собой поселений строить укрепления, которые и назывались городами.¹³ При набегах жители бросали свои жилища и укрывались в городах, постепенно становившихся местом защиты людей и имущества, а также сходов, совещаний и управления. Поскольку степень безопасности жизни определялась быстротой, с которой люди могли попасть под защиту городской огады, то естественным их желанием было селиться ближе к городу-убежищу. Посад становился многолюдным и постепенно приобретал место обмена и торговли.

Городом управлял руководитель, признаваемый жителями таковым,¹⁴ здесь располагалась ратная сила, способная защитить, а также обеспечить порядок и задачи управления.

Все это в совокупности, т. е. город, пространство вокруг него, посадки, селения, жители и, пожалуй, отношения, сложившиеся между ними, и называлось землей. Таким образом, понятия «земля» и «город» сначала сближались, а потом и вовсе стали равнозначными, да и название земли, имевшее прежде связь с племенем, теперь происходило от главного города.

Земля как политическое понятие выразилось признанием первенства крупного города-защитника, тяготением к нему пригородов, к которым, в свою очередь, тяготели волости, состоящие из «всей» и сел, и все они вместе составляли землю как политическую единицу.

Понятно земля включала в себя как княжение (а иногда и несколько княжений), так и самовластие народа, как вече – собрание земли, так и начальников над ней – князей.

История правления от Рюрика до Владимира свидетельствует об отсутствии государственного начала: власть князя имеет «наезднический» характер, когда пришлая сила не

---

¹¹ Существенным для наших дальнейших рассуждений будет понимание земли как термина, который является аналогом современного понятия «общество». Основание для такого понимания дает нам Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля.

¹² См.: *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале Древней Руси // Бунт Стеньки Разина. М., 1994. С. 16.

¹³ В скандинавских сагах Русь именуется как «страна городов» – Гардарика, что свидетельствует о богатстве и определенном общественном развитии.

¹⁴ По свидетельству Нестора, славяне обходились без княжеской власти (см.: *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1993. С. 23).

меняет древних народных обычаев и быта, не приносит с собой ничего нового. Земли сохраняли самоуправление, а князья-наездники довольствовались грабежом.¹⁵

Начало государственности Руси следует связывать с киевским периодом. Только в X в. правление Ольги привносит некоторые признаки государственности¹⁶ (реформы 947 г.), среди которых:

– установление дани и уроков (раньше брали столько, сколько хотели) и замена разбойничьего наезда подобием закона;

– деление подвластных территорий на мелкие административные единицы, так называемые верви (общины) и погосты (центры сельской общины), представляющие собой разновидности сельского податного округа, члены которого связаны между собой круговой ответственностью (порукой) по уплате податей.¹⁷

По всей вероятности, замена разбойничьего наезда¹⁸ на какое-то подобие закона была произведена Ольгой под влиянием знакомства с практикой Византии и после крещения.

Погосты, как правило, были отделены от Киева значительным расстоянием (1–2 месяца пути) и представляли собой некий элемент княжеской власти, внедренный главным городом – Киевом, в гущу крестьянских сел и общин. Количество становищ и погостов в IX–XI вв. точно не установлено; предполагается, что становищ было не менее 50, а число погостов только в северной половине русских земель предположительно колебалось от 500 до 2000.¹⁹

Погосты, с одной стороны, являлись форпостами Киева, выражающими сначала притязание прогосударства (а затем и государства) на эту отдаленную от главного города землю, а затем и принадлежность к нему. С другой стороны, погост представлял собой элемент княжеского домена и воспринимался как земельное владение князя, жители которого в той или иной степени связаны с княжеским доменом и подчиняются князю, защищаются его дружиной,²⁰ т. е. находятся в определенной зависимости от воли князя.

В исторических источниках понятие «погост» находится в определенной связи с понятиями «село» и «смерды». Смерды составляли не все сельское население, именуемое людьми, а только ту его часть, которая была тесно связана с князем, находилась под его защитой и платила ему дань. В данном случае село олицетворяло собой поселение владельческого характера. Другая часть сельского населения, обыкновенные крестьяне-общинники, жила в деревнях – «весах», и хотя также платила дань и имела ряд повинностей, но была более свободной от воли князя. Крестьяне занимали более низкое общественное положение по сравнению со смердами, которые имели почетную обязанность служить в коннице князя.

Погосты как податные центры и центры связи центра и окраины включали в себя не только сельские поселения и общины, но и боярские вотчины, как бы уравнивая в правах перед князем всех тех, кто имел имущественные интересы на территории погоста.²¹

¹⁵ См.: *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси // *Раскол*. М., 1994. С. 134, 136.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ В литературе встречается еще один территориальный термин того времени – «становище», т. е. место, и один раз в год, чаще зимой, останавливался князь и значительная часть его дружины для проведения полюдья. Поскольку большой разницы между становищем и погостом не усматривается, можно предположить, что становищем был один из погостов, выбранный князем.

¹⁸ Целью наезднического понятия о власти была разбойничья добыча, а средством для достижения цели – дружина, пестрая шайка удалцов, набранных отовсюду. Летописец описывает такой случай. Дружина Владимира, зазнавшись, не захотела есть деревянными ложками и потребовала серебряных. Владимир исполнил просьбу: «Серебром и золотом не найду дружины, а дружиною найду серебра и золота; так и отец и дед мой дружиною доискались серебра и золота» (см.: *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси. С. 138).

¹⁹ См.: *Рыбаков Б. А.* Мир истории. М., 1987. С. 107–108.

²⁰ См.: Там же. С. 109.

²¹ Может быть, именно с этого времени и начались традиции русского государства как государства, по классификации Ж. Бодена, развивающегося по принципам «синьориальной» монархии, при которой правитель является собственником своих

Таким образом, в Киевский период русской истории территориальная структура государства имела следующий вид:

- главный город;
- его посад;
- малые города, их посады и волости, тяготеющие к посаду главного города;
- волости, включающие в себя сельские общины, тяготеющие к посадкам малых городов;
- погосты, в которые входят сельские общины, боярские вотчины и другие поселения.

Постепенно помимо собирания дани с подвластных территорий и защиты земли от внешних врагов власть князя приобретает еще и некую нравственную обязанность развивать торговлю, поскольку погосты исторически сложились именно как центры торговли и в этом плане были наиболее интересны и для князя-разбойника, и для князя-властителя. Наконец, после принятия христианства под воздействием церкви князь из разряда грабителя – собирателя дани переходит в положение правителя, судьи, защитника земли и главы государства и охранителя народа.²² С христианством укрепилось влияние Византии на государственное строительство Руси, сложились приемы и методы, используемых князем в управлении обществом. Это важно подчеркнуть, ибо княжение и самоуправление землей и общиной, хотя и имели одну основу, представляли собой реализацию различных интересов и форм власти: с одной стороны, власть в силу военной или экономической зависимости, принуждала к подчинению, с другой – предоставлялась по «праву», т. е. в порядке делегирования от земли. Более того, земля воспринималась князем как данность; ее определенная автономия, традиции самоуправления и выборов руководителя продолжали существовать, не вытесняемые христианством и экспансией властных намерений князя.

Там, где появлялся город, появлялась земля как совокупность населения, как община, имеющая центр и «голову» в городе, а «тело» в волостях. При этом волость постепенно расширяет свое значение – от совокупности территорий сел и весей, тяготеющих к городу, к совокупности территорий, состоящих под единой властью города или князя. Волость становится территорией, принадлежащей земле или князю, частью земли.

Чем крупнее, сильнее был город, тем сильнее была и земля, а ее отношения с князем строже и основательнее, поскольку в основе их был договор между собранием земли и князем.

Волость же, хотя и знала такую форму самоуправления жителей, как сход, однако подобного земле, в правовом смысле термина, веча не имела, так как собрания волостных жителей носили скорее хозяйственный, чем политический характер. Вече было политическим выражением автономии земли, волость же такой автономией не обладала.

Одной из важнейших сторон жизни Древней Руси была особая организация отношений между пригородами и городами, малыми вечами и вечем большим, собираемым в главном городе.

По утверждению С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, история России – это история колонизации и переселений.²³ В XII в. на Руси возникло 119 новых городов, а к середине XIII в. их насчитывалось уже около 350. Земля как собрание людей постепенно расширялась, захватывались новые пространства. Из старых поселений, в том числе и из города, делались выселки, основывались новые поселения, зачастую по решению веча всей земли, поэтому вновь образованные поселения чаще всего сохраняли зависимость от старшего города и назывались младшими.

подданных и их имущества. В подобных государствах политическая и экономическая компоненты сливаются в единую систему властвования. При такой организации власти отсутствуют законопрание и личные свободы, кроме того, правитель в своих действиях ничем не ограничен и рассматривает свою власть как собственность.

²² См.: *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси. С. 141.

²³ См.: *Соловьев С. М.* Начало русской земли. СПб., 1879. С. 18; *Ключевский В. О.* Русская история. Т. 1. С. 20.

Зависимости пригородов от городов была существенной именно потому, что старейший город олицетворял всю Землю, а его вече было собранием не горожан, а земляков, членов земли, частью которой и являлся пригород. При этом необходимо особо подчеркнуть тот факт, что уже в XII в. в источниках упоминается присутствие представителей пригородов на вече всей земли.

Отношения пригородов между собой и городами складывались по-разному, и зависело это от множества обстоятельств. Некоторые пригороды развивались быстрее других, возвышались над ними и претендовали на равенство со старейшими городами, однако даже в этом случае свои традиционные связи с городом чаще всего старались сохранить.

Были случаи, когда образованные таким образом города не желали оставаться пригородами старейшего города и боролись за свою независимость. Такие взаимоотношения сложились, например, между Новгородом и Вяткой. Иные же пригороды возвышались настолько, что становились главными городами земли, например Новгород; Тверь стала центром новой самобытной земли; Псков получил независимость из рук метрополии – Новгорода.

Пригороды могли быть основаны также и князьями, в этом случае их заселяли разного рода переселенцами. По этой схеме возникли Владимир и, по-видимому, Москва.

В организации местных дел пригороды пользовались известной автономией, однако она распространялась только на те решения, которые согласовывались с интересами старейшего города. Если же пригороды создавали вече и пытались с помощью его авторитета самостоятельно решить свою судьбу, это вече представляло собой всего лишь различную степень автономии, в то время как верховная власть по внутреннему смыслу принадлежала не вече, а земле.²⁴ Такое понятие о самоуправлении земли уходит своими корнями в глубокую древность и сохраняется, несмотря на многие противные ему обстоятельства. Господство вечевого начала²⁵ существует во всех землях Древней Руси и после принятия христианства, и в удельный период русской истории.²⁶

Множество источников дотатарского периода указывают на своеобразное распределение власти в Древней Руси.²⁷ Верховная власть над собой принадлежит земле, и это ее право; она должна иметь князя, без этого ее существование было невыносимо. Где земля, там вече, а где вече, там непременно будет и князь: вече обязательно изберет его. Земля была властью над собою, вече – выражением власти, а князь – ее органом. Князь был призван держать власть, править, защищать, но земля не была его вотчинной, он не был ее государем, он был господином. Идеал князя – стать миротворцем, третейским судьей в междоусобных ссорах, возникающих на земле, и защитником земли от внешних врагов.

Выборное начало было столь прочно, что те князья, которые насилием или хитростью получали княжение, вынуждены были ладить с жителями и заслуживать их расположения, ожидая признания землей своего положения, в противном случае их рано или поздно прогоняли и призывали другого. Повсеместно власть князю давалась землей и зависела от нее, и неизвестно, как сложились бы взаимоотношения княжеской власти и земского начала при независимом развитии событий, если бы земское право не уступило праву силы.

Характеризуя правительство и управление Киевской Руси, Г. Вернадский указывал на три главные составляющие политической жизни того времени: монархический элемент вла-

---

²⁴ Так начали складываться отношения между центром и провинциями.

²⁵ См.: *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 49–57.

²⁶ Вершиной развития вечевого порядка организации жизни был Новгород. Важно отметить, что новгородский строй не имеет подобия с устройством современных ему западноевропейских городов. Если же говорить о какой-либо схожести, то Новгород ближе к древним греческим республикам, чем, скажем, немецким (см.: *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в Древней Руси. С. 149).

²⁷ Наиболее интересен, на взгляд автора, анализ А. Е. Преснякова (см.: *Пресняков А. Е.* Княжеское право в Древней Руси: Лекции по истории Древней Руси. М., 1993).

сти олицетворял князь, аристократический элемент – Боярская дума, и, наконец, демократическим элементом было вече.²⁸ Очень важно подчеркнуть, что эти три элемента политической власти были определенным образом уравновешены относительно друг друга.²⁹ В то же время в ряде русских земель, например в Суздале, доминировал монархический компонент власти, в других землях главенствовало аристократическое начало, т. е. боярство, которое сумело подчинить своему влиянию народные собрания и свести положение князя до главы исполнительной ветви власти, что никак не ассоциировалось со статусом самодержца.

Итак, в дотатарский период не выработалось достаточных условий для появления единой державы,³⁰ более того, развитие институтов автономии, самоуправления и княжения в рамках исторических народных традиций могло привести как к федерации, так и к единому унитарному государству, как к республике,³¹ так и к монархии, ограниченной или абсолютной.³²

С татарским завоеванием альтернативы развития исчезли, и в Восточной части Руси произошёл быстрый и крутой поворот к единовластию.

Поскольку монголы оказали влияние на развитие русской государственности, необходимо подробнее остановиться на том, что же представляли собой эти завоеватели. Вслед за скифами, сарматами, гуннами, печенегами и половцами монголы были последней волной восточной экспансии на Европу. Помимо колоссальных потрясений и разорения, они совершали определенный культурный обмен между Китаем, Ближним Востоком и Европой.³³ Многие черты их организации в будущем будут восприняты и развиты в России. Прогрессивное устройство общества и государства способствовало военному успеху и могуществу монголов. Перечислим некоторые составляющие их государственной организации:

1. Осознание монголами своей общности, которая отсутствовала у других народов Европы. Это, так сказать, социокультурная характеристика; если же говорить о государственной организации соперников монголов, то характерным для Европы и Руси того времени было отсутствие единства.³⁴

2. Жесткая дисциплина и централизация управления; отсутствие какой-либо видимой разницы между военной и гражданской организацией. Армия, хоть и не имела постоянного

---

²⁸ См.: *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. М., 1996. С. 194–204.

²⁹ Иными словами, уже в Древней Руси при организации власти применялся русский вариант идеи разделения властей.

³⁰ В то же время многие авторы, например, Н. Костомаров, говорят о том, что власть князя в дотатарское время не подвергалась со стороны земли притеснениям и ограничениям в мелочах. Во всяком случае, договоры (ряды) с князьями не носили подробного характера, а касались только общих традиционных вопросов управления и суда. Для князя существенным было только одно – воля земли. Таким образом, у него было несколько путей к власти: выборы или сила и хитрость. Второй вариант требовал посредничества лояльных ему партий и последующего обязательного признания земель. Именно последнее обстоятельство свидетельствует о том, что князья стали использовать негативные стороны прямой демократии и научились манипулировать общественным сознанием.

³¹ Сравнение договоров с князьями, которые заключали с ними Новгород и Псков в XIV и XV вв., с договорами дотатарского времени говорит не только о повышении политической роли веча и, соответственно, о снижении значения князя в системе организации власти, но и о республиканской тенденции развития общества. Такого рода договоры с князьями можно считать прообразом Конституции.

³² См.: *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси. С. 133–136.

³³ См.: *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М., 1997. С. 12.

³⁴ Накануне монголо-татарского нашествия Русь, несмотря на усилия Мономаха, Василько, «которые говорили именем отечества на торжественных съездах; тщетно другие – Боголюбский, Всеволод III – старались присвоить себе единовластие: покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственные недра, пила слезы и кровь собственную. Наконец, народ охладил в усердии к князьям, видя, что они, для ничтожных личных выгод, жертвуют его кровью, и равнодушно смотрел на падение их тронов, готовый всегда взять сторону счастливейшего или изменить ему вместе с счастьем; а князья, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножить свою дружину воинскую: позволили ей теснить мирных жителей сельских и купцов; сами обирали их, чтоб иметь более денег в казне на всякий случай и сию политикою, утратив нравственное достоинство государей, сделались подобны судьям-лихоимцам, или тиранам, а не законным властителям. Итак, с ослаблением государственного могущества ослабела и внутренняя связь подданства с властью» (см.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 18–19).

состава,³⁵ была хребтом администрации: именно через армейских начальников народ узнавал о приказах и указаниях императора. Более того, провинциальные и районные администрации создавались вокруг центров военных округов, на которые делилась империя, а лагерь каждого из армейских командиров становился центром местной администрации со всеми необходимыми полномочиями. Таким образом, военный командир был одновременно и гражданским наместником. Контроль над армией осуществлялся через императорскую гвардию, старшие офицеры которой были в постоянном контакте с императором и в готовности к консультациям с ним. Можно предположить, что они составляли некоторое подобие постоянного совета при императоре. На заседании ханского совета при Угэдэе, например, присутствовали братья и старшие родичи Великого хана, а также командиры всех армейских соединений. Руководители каждого подразделения имели особые нагрудные знаки отличия, по которым можно было определить его ранг. Это были так называемые пластины власти из золота и серебра. Например, при Чингисхане знаком чиновника первого ранга была золотая пластина с головой тигра и надписью: «Священный Декрет Тьен-це („Данного небом“), императора Чингиса. Пусть дела вершатся по воле его». Знаком второго ранга была простая золотая пластина с той же формулой, к которой добавлялось слово «срочно». Серебряная пластина с той же надписью предназначалась для чиновников третьего ранга и т. д.³⁶

3. Веротерпимость к другим вероисповеданиям.³⁷ Известно, что Чингисхан не принадлежал ни к одной из утвердившихся тогда церквей, во всяком случае, и мусульмане, и христиане называли его язычником. Однако он считал, что связан с «Вечно Голубым Небом» лично, без каких-либо посредников, и не допускал шаманов к государственным делам. Можно сказать, что Чингисхан был вдохновлен религиозным чувством, связанным с идеалом универсального государства. Его религия не может быть, однако, названа государственной, поскольку в своей связи с Богом он не использовал какую-либо традиционную церковь.³⁸ Вот как характеризует Э. Гиббон религиозность Чингисхана: «... нашего удивления и наших похвал всего более заслуживает религия Чингиса. Между тем как в Европе католические инквизиторы прибегали к самым жестким мерам, чтобы защитить бессмыслицу, их мог бы пристыдить пример варвара, который предупредил поучение философии,³⁹ установив своими законами систему чистого деизма и полной веротерпимости. Его главным и единственным догматом веры было существование Бога. Разные религиозные системы преподавались и применялись на практике внутри одного и того же лагеря, не подвергаясь никаким стеснениям и не вызывая никаких раздоров; и бонзы, и имамы, и раввины, и несториане, и латинские священники пользовались одинаковым освобождением от службы и от податей;⁴⁰ возгордившийся победитель мог попирать в Бухарской мечети Коран ногами своего коня, однако в минуты душевного спокойствия законодатель уважал пророков и первосвященников самых враждебных сект».⁴¹

4. Положение Великого хана в организации власти у монголов было таково, что его можно было назвать абсолютным монархом, который «обладает удивительной властью над всеми сво-

³⁵ Чингисханом была создана такая армейская структура, которая предполагала мгновенное проведение мобилизации, поскольку центры компактного проживания и расположение армейских штабов территориально совпадали.

³⁶ См.: *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 130–133.

³⁷ Тем не менее, по-видимому, подобная толерантность не является следствием веротерпимости современного типа: по всей вероятности, язычники-монголы просто опасались «чужих» богов и поэтому почитали их служителей.

³⁸ См.: *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 14.

³⁹ Имеется в виду очевидное сходство религиозных взглядов Чингисхана и Локка.

⁴⁰ Напомню, что в 1267 г. митрополит Кирилл сумел получить от хана Мергу-Темира ярлык в пользу церкви, в котором хан освободил духовенство от дани и других поборов. Таким образом, русская православная церковь также пользовалась покровительством монголов, которые «не только не гнали, не притесняли русского духовенства, но давали ему всякие льготы, освобождали его от податей и суда, повелевали уважать духовных людей и их имение» (см.: *Полевой Н.* История русского народа. М., 1997. Т. 2. С. 267).

⁴¹ См.: *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. М., 1997. С. 148–149.

ими подданными».⁴² В соответствии со свидетельством Рашида ад-Дина, Чингисхан был Богом Созвездия Планет, монархом земли и Времени и все монгольские роды и племена стали его рабами и слугами.⁴³ Он был Богом Пяти цветов, которые по древнекитайской символике обозначали пять сторон света. Все подданные Великого хана – монголы или вновь завоеванные народы – должны были служить государству и подчиняться воле хана. При этом они находились на разных ступенях политической иерархии. Монголы были правящей нацией, и подданные Великого хана также были избранным народом, сюзереном которого он являлся.

Их родовые вожди избрали Чингисхана на трон.⁴⁴ Им принадлежали плоды завоевания, и из них избирались армейские командиры и чиновники администрации. Тюрки Центральной Азии и Южной Руси, равно как и аланы, принимались в братство наций степей под монгольским покровительством. Оседлое население, завоеванное монголами, находилось внизу этой пирамиды. Главным был род Чингисхана; именно из мужчин этого рода выбирались будущие монгольские императоры и ханы. Вначале император избирался всей монгольской нацией посредством родовых вождей, затем, в более поздний период, это право стало прерогативой собрания родственников правящей династии – курултая. После выборов члены императорской семьи должны поддерживать политику великого хана всем своим достоинством и влиянием. Церемония выборов предполагала также и присягу новому хану. Кроме того, курултай регулярно собирался, чтобы обсудить вместе с ханом важные вопросы внешней и внутренней политики.⁴⁵

В борьбе с монголами Русь показала себя крайне упорным соперником, и, согласно тогдашним традициям татаро-монгольских завоевателей истреблять всех, кто сопротивляется,⁴⁶ была опустошена до крайней степени. По некоторым оценкам, исключая Новгород, Смоленск и Белорусские княжения, куда не дошли татаро-монголы, на Руси осталась всего лишь десятая часть населения.⁴⁷

Поколения, сменяющие друг друга, постепенно утрачивали былые вечевые традиции, они не смогли сохранить прежних понятий об обществе и основах общественного строя. К сожалению, изменился и сам характер народа. Веча умолкали повсеместно; строй этот, хотя и сохранялся в непоработанных землях, где время от времени еще звучал голос вечевых колоколов, однако уже не развивался, как прежде, и не давал новых форм; это уже была агония.

Власть над землей и право княжить давала уже не сама земля, как было прежде, а монгольский хан. Князь, дарами и лояльностью покупавший у хана свои права на княжение в Орде⁴⁸, переносил порядки завоевателей на свои земли. Так, боярское владение имениями обеспечивалось не иначе как милостью князя за счет тех же даров и той же лояльности.

Татарскому влиянию Русь обязана также и централизацией государственного управления, и аккумуляцией власти у одного лица. Взамен традиционного для княжеской среды статуса старейшего князя, который по положению был равным среди равных⁴⁹, монголами был

⁴² См.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 126.

⁴³ См.: Владимирцов Б. Я. Чингисхан. М., 1922. С. 99.

⁴⁴ Считается, что на Великом курултае монгольских племен, произошедшем в 1206 г., Чингисхан провозгласил хана Темучина Великим ханом всей монгольской степи (см.: Малый энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз – И. А. Эфрон. Т. 4. С. 2031).

⁴⁵ См.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 127–128, 217.

⁴⁶ Э. Гиббон, описывая законодательство Чингисхана, указывает на то, что монголам «запрещалось вступать в мирное соглашение с врагом до тех пор, пока этот враг не будет побежден или пока он не будет просить пощады» (Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. М., 1997. С. 148).

⁴⁷ Такие данные приводит Н. Костомаров (см.: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 177).

⁴⁸ Каждый русский князь должен был получить ярлык на княжение от хана, после чего князя торжественно короновали. В случае каких-либо сомнений в политической или экономической лояльности князя хан мог в любое время отнять княжеский ярлык.

⁴⁹ На Руси в отношениях между князьями не существовало никакого юридического старшинства, старейшим называли

введен институт великого князя. Ханы возвысили это звание, дали великому князю власть и силу; за это звание князья стали бороться как за цель высшего проявления честолюбия, однако получить его можно было только одним путем – лестью, поклонами, дарами и угодничеством. В первой половине XIV в. с легкой руки хана Узбека звание великого князя утвердилось за московскими князьями,⁵⁰ переходя от отца к сыну с ханским утверждением. Так было до тех пор, пока не пала и не разложилась Орда и власть московских князей не усилилась, заменив собой ханскую. Князья стали такими же владыками и собственниками русских земель, которыми по праву завоевания, при азиатском укладе понятий, были и считали себя ханы.⁵¹

В 1305 г. в Нижнем Новгороде произошло событие, немыслимое с точки зрения старины. После того как в Костроме и Нижнем Новгороде народ, собравшийся на вече, по традициям вечевого старины судил бояр за произвол и побил их, нижегородский князь вернулся с татарами и перебил «вечников». Таким образом, с татарами приходит новое понятие о власти, которая господствует без всякого соглашения с народом.⁵²

Везде, кроме Новгорода и Пскова, умолк вечевого колокол – символ высшего народного законодательства, часто мятежный, но «любимый потомству славянороссов».⁵³ Слово «вече» потеряло прежде священное значение – собрание свободной земли; оно стало синонимом заговора, бунта, а слово «вечник» значило теперь то же, что и бунтовщик. Законного способа сопротивляться деятельности князя и боярства не стало. Позже даже Великий Новгород был вынужден поддаться силе⁵⁴ – историческая потребность в вечевом укладе, способном хоть в какой-то степени обуздать носителей власти, исчезла. Так рождалось единодержавие.

Наконец, с ликвидацией вечевого порядка ушло и чувство индивидуальной значимости, осознание человеком личного достоинства и свободы. Раболепство перед высшими, унижение низших стали нормой жизни общества и, к сожалению, качествами русского человека. Н. М. Карамзин писал, что одним из следствий татаро-монгольского ига явилось нравственное уничижение людей: «Забыв гордость народную, мы научились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали друг друга; откупались деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов».⁵⁵

Надо сказать, что такая характеристика стала уместной даже для свободных и некогда независимых людей. В борьбе с татарами выживали не те, кто открыто, с оружием в руках выступал против захватчиков, а позже против сборщиков дани, а те, кто хитрил, приспособлялся, проявлял безжалостность и беспринципность к собственному народу.

Сразу после завоевания Руси монголы фактически устранили традиционные формы управления территорией. На юго-западной Руси (Украине) монголы полностью убрали княжескую администрацию, заменив ее своим прямым управлением.⁵⁶ В Восточной Руси, а также в Галицкой, Волынской, Смоленской и Чернигово-Северской землях, монголы установили соб-

---

того из князей, который был старше других по возрасту, выражение «Великий князь» употреблялось просто из учтивости и не имело постоянного, определенного смысла. В то же время на севере Руси звание «Великий князь» начинает прилагаться к имени Всеволода III и его сыновей, держащих старшинство (см.: *Соловьев С. М.* Соч. История России с древнейших времен. Т. 2. С. 8).

⁵⁰ Впрочем, отдельные исследователи, например А. Е. Пресняков, усматривают в политике московских князей, которые «собирали не землю, а власть», претензию на единодержавие уже в домонгольский период. Он имеет в виду Андрея Боголюбского, Всеволода III Большое Гнездо и Ярослава Всеволодовича (см.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. СПб., 1918. С. 58).

⁵¹ См.: *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в Древней Руси. С. 193.

⁵² См.: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 578.

⁵³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. С. 207.

⁵⁴ Это произошло в 1478 г., когда Новгородская земля была включена в состав Русского государства. Новгородская республика была уничтожена, а вечевого колокол, как один из символов ее независимости, был снят и отправлен в Москву.

⁵⁵ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. С. 205.

⁵⁶ Речь идет о Переяславской, Киевской землях и Подолии.

ственное правление наряду с княжеской администрацией. Даже в тех русских землях где князья остались у власти в качестве вассалов хана, монголы оставляли за собой право лично контролировать определенные местности и группы населения.

При этом административные возможности князей-вассалов были ограничены, так как ханы назначали собственных чиновников, которые, предварительно проведя перепись населения, самостоятельно осуществляли вербовку воинов и сбор налогов.⁵⁷ То, что монголы практически изменили бытовавшие ранее на Руси основные принципы управления, косвенно подтверждает и тот факт, что иго «тяготело особенно только в продолжение первых 25 лет... уже в 1266 г. летописец извещает о его ослаблении... уже в конце XIII в исчезают баскаки и князья сами распоряжаются относительно выхода» (дани).⁵⁸

Таким образом, сначала ослабив иго, а затем и передоверив князьям сбор дани и уйдя из Руси, монголы были уверены, что введенные ими порядки изменили организацию власти и управления настолько, что возврата к старому нет и их владычеству ничто не угрожает. Завоеватели рассматривали русскую землю как свою собственность, свой улус.⁵⁹ Иными словами, русские князья восприняли монгольские методы управления и законодательство⁶⁰ как наиболее соответствующие их настоящим и будущим интересам.

Постепенно число экономически независимых и свободных людей сокращалось, для тех же, кто считался вольным, ограничивалась свобода передвижения.⁶¹ Даже бояре не обладали больше былой независимостью от князя, который всегда имел возможность лишить любого из них вотчины, свободы и даже жизни.⁶² Поземельное владение находилось в области княжения и зависело только от князя; лишь он определял, кому дать землю во владение и пользование, предоставить льготы, какие и на кого возложить дани и поборы. Поскольку бояре и слуги, как правило, были землевладельцами и увеличение числа собственных владений, получение льгот и выгод для своего хозяйства и торговой деятельности находились в полной зависимости от оценки качества их службы, усердия, личной лояльности и преданности.

На тех землях, которые не составляли вотчин и не были розданы во владение, князь держал черных, или тяглых,⁶³ волостных людей – потомков тех, кто составлял раньше свободные сельские общины.

Именно тяглые несли основные тяготы уплаты дани, кроме которой имели еще массу обязательных работ, повинностей и поборов.

Несколько иное положение было у другой части крестьян – так называемых сирот, которые могли в определенное время уходить от одного владельца к другому. Сирота был, конечно, свободнее тяглового человека, но лучшим доказательством печального состояния сирот служит то, что они повсеместно закладывались в неволю, шли в законное рабство и свободой своей не дорожили. Впрочем, лучше им жилось, когда они селились не на тяглых землях, а на княжеских – в селах, не входивших в разряд тяглых волостей.

Кроме того, князья, особенно московские, расширяли свое княжество путем приобретения вотчин других собственников. Такие имения, в отличие от тяглых, именуемых волостями, назывались селами и слободами; именно они послужили началом появления имений, впослед-

---

⁵⁷ См.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 221–222.

⁵⁸ Соловьев С. М. Соч. Т. 2. С. 528.

⁵⁹ См.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. С. 578.

⁶⁰ См.: Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 23.

⁶¹ См.: Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1910. С. 264–265.

⁶² Более того, после возвышения Москвы число владетельных князей уменьшилось и власть централизованного государства по отношению к народу стала неограниченной. В связи с этим бояре утратили былую возможность действовать через князя на вече (власть народную) и влиять на князя, манипулируя городским собранием.

⁶³ Термин «тягло», по-видимому, имеет следующее значение. Как уже говорилось ранее, каждое славянское поселение стремилось к какому-либо посаду или городу. Одной из обязанностей поселения была еще и выплата податей. Во всяком случае, это слово стало обозначать исключительно податные обязанности.

ствии называвшихся подклетными, дворцовыми, а в более позднее время – удельными. Приобретая имения, князья созывали на эти земли сирот, предоставляя им довольно существенные временные льготы, отчего население этих княжеских поселений жило несколько лучше, отличаясь от других не крестьянским бытом, а количеством поборов и более умеренными формами управления.

Городское же население в своих правах не поднималось выше крестьян, так как городов как объединений иных, нежели крестьянское, сословий, обладавших особыми правами, в татарской Руси не существовало.⁶⁴ Посады причислялись к тяглым волостям, а человек, занятый ремеслом или торговлей, отличался от крестьянина только тем, что тягло его измерялось не землей, а промыслом.

Итак, говоря о каком-либо влиянии на устройство российского государства, следует иметь в виду, по крайней мере, три важнейших фактора.

Во-первых, Русь – изначально многонациональное государство, объединяющее разнообразные славянские племена, а затем множество племен и народов, которые были либо колонизированы, либо по доброй воле вошли в состав России. Отсюда достаточно естественно происходило слияние культур, традиций и обычаев. Поэтому, если рассуждать о неких чертах русской цивилизации, надо представлять ее как лоскутное одеяло, составленное из немислимого набора своеобразных оттенков культур различных народов⁶⁵, каждый из которых, «по словам нашего старого летописца, отличался „своим нравом и обычаем“». ⁶⁶

В рамках этого фактора можно выделить изначально федералистский характер союза славянских племен. Развитие российской государственности шло по пути образования политических сообществ, которые, сохраняя свою самобытность, не теряли между собой связи и единства, выраженного их совокупностью.⁶⁷

Вечевой – относительно демократический образ организации власти. При этом самобытность и оригинальность этой славянской традиции⁶⁸ практически ни у кого не вызывает серьезных возражений.⁶⁹

Республиканская форма правления развилась в таких русских городах, как Новгород и Псков. Несмотря на их тесные связи с городами ганзейского союза, новгородский строй не имел подобия с устройством немецких городских общественных порядков.⁷⁰ Поскольку Новгород и Псков были более защищены лесами и болотами от татаро-монгольских захватчиков, то на примере их общественного устройства мы имеем представление о политическом строе Киевской, Галицкой, Суздальской и других славянских земель.⁷¹

Во-вторых, существенным является влияние христианства и византийской традиции государственной организации, которое выражается в следующем.

⁶⁴ Исключение из этого правила составляли северные земли Руси: Новгород, Псков и некоторые другие города.

⁶⁵ По мнению многих историков, в частности Н. Костомарова, «древняя славянщина не любила точных форм; неопределенность, отсутствие ясных рубежей составляет характер славянской жизни, а русская отличалась этим в особенности» (*Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси. С. 133).

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале Древней Руси. С. 5.

⁶⁸ Критики самобытности общественного устройства древних славянских племен обычно говорят о том, что народное собрание, совет старейшин и князь являются типичными органами родоплеменного общества, находящегося на высшей стадии развития. При этом ссылки делаются на Тацита, Ф. Энгельса и особенно на работу Л. Моргана «Древнее общество».

⁶⁹ Справедливости ради надо сказать, что понятие «вече» часто включало в себя любое народное сходбище, и если речь не шла о выражении воли земли или части земли, требующей автономии, то можно говорить об отсутствии политической компоненты и о хозяйственно-совещательном значении решения веча. Что касается относительно полной самостоятельности института веча, то он развился только на севере, где был значительно увеличен круг вопросов, которые могли быть решены только на народном собрании.

⁷⁰ По утверждению Н. Костомарова, Новгород скорее близок к древним греческим республикам, чем средневековым немецким городам (см.: *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси. С. 149).

⁷¹ Там же. С. 150.

Церковь, пришедшая из Византии, привнесла с собой основы государства и греческие понятия о законе божественном и светском. Вводя церковные законы, православие развивало в народе юридические понятия и распространяло воззрение о святости права.⁷² Появление на Руси в XIII в. Кормчей книги способствовало зарождению идеи законодательного единства и общности права.⁷³ Кроме того, книга значительно расширила круг понятий и внесла в общественное сознание совершенно новые взгляды, приучила людей сопоставлять факты действительности, свои и чужие действия с юридическими понятиями.⁷⁴ Воспринимая Византию как пример государственности, церковь, с одной стороны, требовала покорности от народа, так как власть дана Богом,⁷⁵ а с другой – указывала князю на идеал главы государства как правителя, судьи, защитника и охранителя.⁷⁶

Помимо единства веры с христианством постепенно приходило единство государственности как совокупность территорий (земель), однообразие приемов и методов управления.

С христианством пришла также идея единства церкви и государства.⁷⁷ Византийская традиция свидетельствовала, что «церковь и государство имеют между собой тесное единение и общение и невозможно отделить одно от другого».⁷⁸ Основопологающим фактором такого единства являлось то, что в Византии главой церкви был император, а церковь была неотъемлемой частью государственной организации. При этом в Кодексах императора Феодосия II, а затем и Юстиниана, церковные каноны, как и гражданские законы, почитались обязательными к исполнению.⁷⁹ Таким образом, проблемы соотношения светской и духовной власти для Византийской империи просто не существовало.⁸⁰

В-третьих, влияние монголов на развитие государственного устройства, политических и общественных нравов.

Существует несколько мнений о монгольском влиянии на развитие российской государственности: от жесткого указания С. М. Соловьева на то, что у нас (кроме разрушительного аспекта) нет причин признавать факт какого-либо значительного влияния монголов на русскую внутреннюю администрацию⁸¹ до прямой противоположности суждений, у истоков которой стояли Н. М. Карамзин⁸² и Н. И. Костомаров.⁸³ Последние не только тщательно проанализировали в своих работах влияние татаро-монгольского ига на Русь, но и обратили особое внимание на причины возникновения института единовластия, пресечения политических свобод, изменения характера русского народа. Наиболее жестко по этому поводу высказался Н. Тру-

---

⁷² Здесь необходимо сказать, что православные законоположения не ограничивались одним духовенством и духовными делами. Церковное право подчиняло себе многие житейские стороны и могло судить преступления против обязанностей семейного быта, разрешать споры о наследстве и т. д. Важно отметить, что священники решали спорные вопросы одинаково, так как делали они это на основе греческих церковных законоположений.

⁷³ См.: Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 828.

⁷⁴ См.: Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале Древней Руси. С. 38.

⁷⁵ Христианское миропонимание трактует Бога в качестве единственного источника власти. Люди сами по себе не являются источниками власти, как бы много их ни было и в каком бы взаимном согласии они ни находились. Народовластие, «народное представительство», с точки зрения христианства, – абсурд. Народ не может никому поручить свою «власть», ибо у него этой власти просто нет (см.: Митрополит Иоанн. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. Саратов. 1995. С. 82).

⁷⁶ См.: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 139–141.

⁷⁷ В соответствии с христианской традицией считается, что в Византийской империи был впервые сформулирован и осуществлен идеальный порядок взаимодействия церковной и гражданской властей, именуемый Симфонией.

⁷⁸ Митрополит Московский Макарий. История Русской церкви. СПб., 1886. Кн. 2. С. 480–481.

⁷⁹ Митрополит Иоанн. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб., 1995. С. 22.

⁸⁰ Напомню, что на Западе превосходство духовной власти над властью светской было установлено при папе Григории Великом (590–604 гг.).

⁸¹ См.: Соловьев С. М. Соч. Т. 2. С. 528.

⁸² См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 203–230.

⁸³ См.: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 131–239.

бецкой, который прямо указал на ошибочность суждения о том, что основа русского государства была заложена в Киевской Руси.⁸⁴ Он сделал вывод, что основы российской государственности невозможно понять без осознания политических и нравственных начал, на которых была построена империя Чингисхана.

Действительно, после освобождения от татаро-монгольского ига русские земли, в отличие от первоначального периода русской истории, когда в организации политической власти присутствовали все три перечисленные выше элемента, представляли собой доминирование либо монархического элемента власти – Русь Московская (Восточная),⁸⁵ либо аристократического – Русь Западная (Малороссия и Белоруссия).⁸⁶

Третий, демократический, элемент дотатарской Руси (вече), в старинном, традиционном, значении повсеместно исчез с территории как Восточной, так и Западной Руси, однако был не только возрожден на их южных окраинах, но и принял несколько иную форму – военных братств казачьих поселений.

Не будет преувеличением утверждение, что древнерусские города домонгольского периода и на севере, и на юге были не княжествами-монархиями, а республиками.⁸⁷ Вместе с тем организация власти в них существенно отличалась от западноевропейской традиции.⁸⁸

Русские города как центры политико-административной власти постепенно подчиняли себе округу, волостное крестьянство повиновалось властной корпорации во главе с князем. Однако уже в монгольский период право на княжение, полученное не на вече, а в орде, совершенно перестало соответствовать народным интересам и отечественной традиции, наоборот, оно стало отвечать интересам завоевателя⁸⁹ и приближенным к нему князьям.⁹⁰ Таким образом, представление о земле как источнике власти постепенно утратило свое значение и исчезло из общественного сознания – обязанности князя перед обществом, налагаемые вечевыми выборами, были заменены обязанностями перед ханами.⁹¹ Освободившись от них, российская власть как историческая категория (князья, а с ними и их окружение – служилые люди) так и не выработала осознание собственной политической ответственности перед обществом и все больше и больше изолировалась от народа.

---

⁸⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык// Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М., 1995. С. 211.

⁸⁵ Можно анализировать возвышение Москвы с разных позиций, однако необходимо вспомнить и то, что звание старейшего великого князя со времен хана Узбека не только утвердилось за московскими князьями, но постоянно передавалось, после ханского утверждения, от отца к сыну (см.: Костомаров Н. И. Начало единой державы в Древней Руси. С. 192).

⁸⁶ Сохранение аристократического элемента и усиление его до состояния основы политической жизни на западе Руси произошло под влиянием Польши (см.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 342).

⁸⁷ См.: Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. СПб., 1992.

⁸⁸ На Западе же существовали свободные города, таковыми были и экономические связи бюргерства с деревней. Свободными города становились после успешной борьбы с синьорами в результате «коммунальных революций». Завоеванные ими свободы фиксировались в «картиях вольностей», которые в дальнейшем расширялись: власть стала переходить в руки выборных городских советов. Наконец, город делал свободным любого, кто прожил в нем год и один день, занимаясь ремеслом. Зарождавшееся буржуазное общество выросло во многом благодаря этим правам, привилегиям и свободам (см.: Юрганов А. Л. У истоков деспотизма// История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–XX вв. М., 1991. С. 44).

⁸⁹ Как известно, монголы не практиковали оккупацию, они устанавливали унижительную вассальную зависимость покоренных ими правителей. Для упорядочения сбора налогов и набора людей в ордынскую армию монголы практиковали так называемое «число», т. е. перепись населения. Характерно, что именно эти действия вызывали всеобщее недовольство и даже сопротивление народа, которое Александру Невскому неоднократно приходилось подавлять, однако «число» все же проводилось. Затем, поверив верности русских князей, монголы доверили сбор налогов самим Рюриковичам (см.: Гришберг Ф. Рюриковичи, или Семисотлетие «вечных» вопросов. М., 1997. С. 228–229).

⁹⁰ Например, Иван I Калита провел значительную часть своего правления в Сарае или в пути туда и обратно, а отнюдь не в Москве, что может свидетельствовать как о его тесных связях с ханами, так и о размахе его политических интриг. Московский стол стал посредником между татарами и завоеванной ими Русью (см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940. С. 110).

⁹¹ Более того, республиканизм Новгорода и Пскова и их западную ориентацию многие русские князья, начиная, пожалуй, с Александра Невского и его потомков, воспринимали как изменническую (см.: Гришберг Ф. Рюриковичи, или Семисотлетие «вечных» вопросов. С. 245).

Этот режим изоляции народа от власти был совершенно естественным и полностью соответствовал системе отношений между ордой и завоеванными территориями. Суть этих отношений точно выразил ордынский летописец Рашид ад-Дин (1247–1318): «В общем, если произвести относительное сравнение, то окажется, что только одна десятая часть владений находится в цветущем состоянии, а все остальное пребывает в запустении. Чтобы привести в цветущий вид базар, или застроить и заселить город, или провести оросительный канал, множество областей разорялось еще больше, затрачивались несметные средства, многие подданные сгонялись из других областей на трудовую повинность».⁹² Доминантой этих государственных отношений было четкое разделение положения центра и провинции: центр должен процветать, провинция – обеспечивать это процветание ценой собственного благополучия.

Таким образом, мы видим, что Русь до и после татар, по сути, разные государства, во всяком случае, организация политической власти строилась на совершенно разных принципах.

В результате мы получили страну, которая, по наблюдению Н. М. Карамзина, «возвысила свою главу между азиатскими и европейскими царствами», которая «представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами». При этом необходимо помнить, что «такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную как свою народную собственность».⁹³

Такая избирательная компиляция чуждых приемов и методов управления привела к сложной мутации власти в России, инструмент которой, государство, постепенно подмяло под себя все, что в других политических культурах традиционно являлось прерогативой общества.

Наконец, гибель Золотой Орды и Византии привела высшее московское общество к пониманию того факта, что единственной наследницей этих величайших мировых империй является Россия, воспринявшая целые пласты их культур, опыт и традиции организации власти и государственного управления и многое другое.

Из всего этого следует, что первые русские цари соединили в себе черты как татарских ханов,⁹⁴ так и византийских императоров,⁹⁵ а Древняя Русь явилась только прелюдией современной российской истории, которая началась, по существу, с Ивана III, утвердившего за собой единодержавие.

---

⁹² См.: Рашид ад-Дин. История монголов. СПб., 1858.

⁹³ См.: Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 23.

⁹⁴ Думаю, будет справедливым утверждение, что первым царем Руси был монгольский хан.

⁹⁵ См.: Гринберг Ф. Рюриковичи. М., 1997. С. 283.

§ 2. Особенности и закономерности разрешения внутренних противоречий процесса становления Российского государства

События русской истории, предшествовавшие X в., свидетельствуют о том, что на Руси не просматриваются признаки национального самоопределения.⁹⁶ Об этом говорит отсутствие внутреннего единства, национальной памяти и, как следствие, приглашение иноземного правителя.

Однако сразу после крещения Руси Иларион уже характеризует князя Владимира как великого государя-единодержца всей земли, получившего власть от Бога. Символично, что при крещении князь получает имя Василий, т. е. «царственный».⁹⁷

Прежде чем продолжить наше исследование, необходимо сделать некоторое отступление и попытаться кратко описать развитие титулов, олицетворявших собой представление о власти на Руси.

В Древней Руси существовали следующие преемственные титулы: князь, великий князь, князь-государь, государь-царь и великий князь всея Руси. Таким образом, на Руси IX, X, XI вв., в соответствии с тогдашним пониманием власти, князем назывался носитель верховной власти.

Титул великого князя, который носил князь киевский, появился в середине XI в. Великий значит старший; этим званием князь киевский отличался от своих младших братьев – областных князей.

Титулом князь-государь стали называть государя в удельные XIII и XIV в. Этот титул выражал сущность государственной власти, соответствовал, как и территориальный термин, слову «удел». Слово «государь» заимствовано из частной жизни, оно близко по значению слову «господарь», имевшему параллельную форму в слове «господин», которое происходит от владычества или хозяйственного владения. Однако слово «государь» подразумевало высшую власть, а «господарь» – лишь властитель с правом управления, но не собственник с правом распоряжения, отчуждения и уничтожения. Таким образом, государь – это хозяин, собственник удела, его территории – на вотчинном праве.

Государь-царь и великий князь всея Руси – титулы, которые постепенно были освоены московскими государями приблизительно с середины XV в. Под «царем» разумелась власть более высокая, чем власть местных племенных или национальных государей. В российской ментальности царями были независимые, самостоятельные государи, никому не платящие дани и никому ни в чем не отдающие отчета, не зависящие от чужой власти, как, например, Византийский император и татарский хан. Термин «царь» московскими государями был соединен с термином «самодержец», который, собственно, означал то же, что и царь (независимость от чужой внешней власти, отсутствие отчетной и данной обязанности). Но в то время под термином «самодержец» не разумели полноты политической власти, государственных полномочий, не допускающих разделения власти государем с какими-либо другими внутренними политическими силами. Поэтому понятие «самодержец» противопоставляли слову «государь» (который мог быть зависимым от других государей), а не государю, ограниченному в своих внутренних политических отношениях, т. е. конституционному.⁹⁸

Итак, вернемся к нашему исследованию.

---

⁹⁶ Национальный характер княжеская власть приобретает только с усилением Москвы.

⁹⁷ См.: Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 29, 73, 75.

⁹⁸ См.: Ключевский В. О. Соч. Т. 6. С. 100–103.

Андрей Боголюбский был, пожалуй, первым из русских князей, задумавшимся о единой державии. Он мечтал о собственном, подчиненном духовенстве, об особой Владимирской митрополии; но духовенство, охотно принимавшее его милости, вовсе не желало находиться у него в подчинении. Православная церковь на Руси все еще чувствовала себя независимым институтом, фактически свободным от института княжеской власти, власти Рюриковичей. Подчинение церкви было лишь этапом самодержавной программы Андрея Боголюбского, который хотел создать совсем новое государство, новую Русь; в сущности, его политика закладывала основы создания и развития того русского народа, той русской национальности, которую мы имеем и ныне. Новое государство с новым, наследственно передаваемым Великим столом, должно было обретаться под особым божественным покровительством.⁹⁹

Стремление Андрея к абсолютной власти не могло нравиться, оно даже отмечается современниками как нечто не вполне обычное. Поэтому в данном случае говорить о подлинном, зрелом стремлении к абсолютизму еще рано, «феодалная демократия» Рюриковичей еще достаточно крепка.¹⁰⁰

В 1174 г., после убийства Андрея Боголюбского, собрался съезд дружинников, чтобы решить, кого именно пригласить на княжение. Когда же князья не захотели согласиться с принятым решением и договорились между собой по-своему, дружина категорически пресекла попытку посягнуть на сие право выбора.¹⁰¹ Этот факт указывает на влияние дружинных обычаев равенства,¹⁰² силу и относительную зависимость князя от дружинников.

Итак, на пути к самодержавию достаточно ясно обозначились три противостоящие стремлению отдельных князей силы: многочисленные конкурирующие между собой Рюриковичи, церковь и дружинники, ставшие затем боярами.

Михаил Юрьевич, брат Андрея Боголюбского, князь Киевский, Торческий и Переяславский, путем столкновения интересов города и пригородов пытался освободиться от влияния городского веча, привыкшего решать дела помимо князя и, видимо, имел в этом некоторый успех.¹⁰³

«Тотчас по смерти Михайловой владимирцы вышли перед Золотые ворота и, помня старую присягу свою Юрию Долгорукому, целовали крест Всеволоду Юрьевичу и детям его... значит, не боятся переходить по наследству от отца к сыновьям, не думают о праве выбирать князя».¹⁰⁴ Кроме того, Всеволод, вслед за Мономахом, назван летописцем также великим князем, при этом звание это писалось вслед имени, как бы подчеркивая его отличие пока еще только от другого Всеволода, князя Рязанского.¹⁰⁵ Налицо усердие летописца, понявшего желание князя возвыситься над другими.¹⁰⁶

⁹⁹ См.: *Гринберг Ф.* Рюриковичи... С. 107–108.

¹⁰⁰ Рюриковичи, невзирая на все свои распри и конфликты, кажется, все же ощущали себя единым, избранным родом, имеющим своеобразный «кодекс чести». Несмотря на «родовое право», все они были своеобразными демократами, т. е. в определенном смысле все потомки Рюрика были равны между собой, а отличие «великий князь» было чем-то вроде почетного звания, право на которое относительно легко захватывалось и так же легко утрачивалось. По-видимому, причина была проста: звание «великий князь» не несло с собой большей власти (см.: Там же. С. 109–110).

¹⁰¹ См.: *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма. С. 38.

¹⁰² Первые Рюриковичи, как и все норманны, – люди дружины, люди корпоративного воинского союза, объединения; завоевание – их работа. Правителя окружают не родичи, а приближенные богатыри – дружина (см.: *Гринберг Ф.* Рюриковичи... С. 45–46).

¹⁰³ См.: *Соловьев С. М.* Соч. Т. 2. С. 535.

¹⁰⁴ Там же. С. 536.

¹⁰⁵ Там же. С. 8–9.

¹⁰⁶ Кроме того, многие историки пишут – и с этим трудно не согласиться – о том, что Рюриковичи через своих доверенных лиц духовного сословия контролировали летописание. Видимо, существовала не только цензура, но и практика заказов описания событий в определенном историческом ключе. Летописи становились ценными книгами, достоянием семьи, и передавались по наследству, чтобы в будущем с помощью той или иной записи можно было обосновать право или определенные притязания (см.: *Гринберг Ф.* Рюриковичи... С. 159–160).

Таким образом, Андрей, Михаил и Всеволод пытались создать сильный политический центр, претендующий на руководящую роль во всей системе русских земель-княжений.¹⁰⁷

Следующую попытку, после детей Юрия Долгорукого, предпринял внук его Ярослав II Всеволодович, который попытался соединить отчинный раздел земель с сохранением единства в форме старейшинства, связанного с одним столом.¹⁰⁸ Кроме того, именно он в 1243 г., первым из русских князей, отправился в Орду и лично объявил о покорности хану Батюю. Батый принял Ярослава с уважением и назвал Главой всех князей российских: «Будь ты старший между князьями в русском народе».¹⁰⁹

И, наконец, добился возвышения над остальными князьями Дмитрий Донской, который, кажется, первым почувствовал, что при общении с Богом более не нуждается в посредниках. Это было связано с тем, что Киевская митрополия перестала быть единой, чем и воспользовался князь, который стал постепенно отстранять церковь от реальной власти. В дальнейшем это приведет к тому, что религия, претендовавшая на статус всемирной, станет просто государственной. Дмитрий же в конце жизни оставил духовное завещание, в котором впервые без разрешения татар передал Великое княжение Василию I, своему старшему сыну, как свою вотчину.

Именно с именем Дмитрия Донского¹¹⁰ связано создание православного самодержавия как нового вида политической власти на Руси.

Василий I, в свою очередь, обратил взор на боярство; Дума при нем отличалась относительной «молодостью», из ее состава великий князь вывел старых бояр и советовался с молодыми: видимо, с молодыми было легче договориться, они острее чувствовали авторитет царя.

Кроме того, Василий I так жестко обошелся с удельными князьями, что ни один из них не смог вмешаться в борьбу за великое княжение.¹¹¹

Однако настоящий прорыв на пути к единодержавию делает Иван III. В послании на Угру ростовского епископа Вассиана титулы Ивана III и Ахмета уравниваются. Обращаясь к великому князю, Вассиан величает его «царем», «благоверным», «христолюбивым» и, что особенно интересно, Богом «венчанным» и Богом «утвержденным», в то время как Ахмет не сразу назван «царем».¹¹² Вассиан сомневался в законной силе царского сана правителя Золотой Орды: может ли «богоборец» быть «царем»?¹¹³

Думаю, что первоначально русское общество соотносило слово «царь» не с константинопольским цесарем, а с ханом Золотой Орды. Дело в том, что в современном русском языке слово «цесарь» употребляется крайне редко, а если и употребляется, то в значении «царь». Однако в древнерусском языке встречаются оба слова. А. Курбский в «Истории о великом князе Московском», по-видимому, вполне сознательно называет главу священной Римской империи цесарем христианским, татарского хана – царем татарским, а московского великого князя – царем. Поэтому можно предположить, что цесарь и царь – не синонимы. Представля-

¹⁰⁷ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по истории Древней Руси. М., 1993. С. 91.

¹⁰⁸ Это единство пало по смерти Александра Ярославича, но московские князья, на фундаменте все того же семейного владения, создали здание новой государственности, осуществили на иных началах завет единения всей земли, унаследованной от киевского старейшинства и попыток Юрьевичей подвести под него земское основание (см.: Там же. С. 132).

¹⁰⁹ См.: Соловьев С. М. Соч. Т. 2. С. 146.

¹¹⁰ Кроме того, Дмитрий, обосновывая свои притязания, ссылаясь и на золотой пояс, то есть материальную реалию власти. Отдавая свою дочь Евдокию замуж за Дмитрия, суздальский князь Дмитрий Константинович передал его в качестве приданого Дмитрию Донскому. Золотой пояс символизировал право на Великое княжение Владимирское, и когда-то его ношение означало еще право на Великий стол киевский.

¹¹¹ После чего продолжающаяся относительная независимость удельных князей от центральной власти вызывала постоянную подозрительность правительства, которое очень внимательно следило за всеми попытками князей проявить самостоятельность.

¹¹² Надо сказать, что ранее ни у кого сомнений в этом не было и русские постоянно именовали татарских ханов царями.

¹¹³ См.: Юрганов А. П. У истоков деспотизма. С. 71.

ется, что А. Курбский не просто ставил положение цесаря выше, но и четко определял истоки происхождения русского царства.

В 1493 г. Иоанн III Васильевич, великий князь московский, принимает титул государя всея Руси¹¹⁴, известный с времен Ивана Калиты,¹¹⁵ время от времени называет себя царем¹¹⁶ и принимает в качестве своего герба двуглавый императорский орел последнего византийского императора.

С XV в. к перечисленным титулам прибавляется формула «Божиею милостию», которая указывает на теократический источник власти.¹¹⁷ Тем самым официально предавалась забвению старинная практика вечевого избрания, укреплялись династические порядки передачи власти и косвенно подчеркивалось, что воля подданных не имеет никакого отношения к верховной власти. Однако требовалось более мощное ее обоснование, и в политической жизни Русского государства XVI в. важное место стала занимать проблема разработки новой государственной идеологии, подчеркивающей особое значение и величие Московского государства. Совершенно естественно, что теоретической основой этой идеологии было религиозно-идеологическое творчество римских и византийских авторов, воспринимавшихся на Руси как истинные авторитеты, главным из которых являлся константинопольский патриарх, почитание его было незыблемо. После того как император направился к римскому папе и содействовал подписанию в 1439 г. церковной унии, по которой православная церковь должна подчиниться папе и принять латинское вероучение; после того, как в 1453 г. пал Константинополь и многие православные государства были завоеваны турками или стали вассалами султана, естественные препятствия для восприятия власти в ее византийской чистоте исчезли. Именно тогда стал возможным как разрыв с патриархом, так и формулирование самостоятельной идеологической позиции в вопросе истинного положения Москвы на политической карте Европы. В связи с этим митрополит Зосима, выдвигая идею «Москва – новый град Константина»,¹¹⁸ говорит словами новозаветного пророчества: «Первые будут последними, а последние первыми».

Следовательно, назвав себя царем, Иван III определил иное, чем ранее, место России в ряду других государств. Тем самым он подчеркнул ее независимость и самоценность.¹¹⁹ В 1489 г., отказавшись от предложенного императором Фридрихом III королевского титула, Иван III заявил: «Мы, божьей милостью, государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и постановление имеем от Бога, и как прежде его ни от кого не хотели, так и не хотим и теперь».¹²⁰

Религиозное освящение власти впервые совершил тот же Иван III, венчая на царство¹²¹ своего внука Дмитрия в 1498 г.¹²² При коронации Дмитрия была впервые использована шапка

¹¹⁴ Это название не употреблялось в сношениях с литовским двором до времен Ивана III (см.: *Соловьев С. М.* Соч. Т. 2. С. 141).

¹¹⁵ Название «великий князь всея Руси» впервые встречается в грамотах Иоанна Калиты (Там же. С. 141).

¹¹⁶ Царским титулом величали себя только византийские императоры, а с 1265 г. им пользовались ханы Золотой Орды. Иван IV Грозный в 1547 г., после завоевания Казани, Астрахани и Сибири, узаконил этот обычай и венчался на царство в шапке Мономаха. По-видимому, с монголами связан и титул «белого царя», во всяком случае, он ассоциируется с «белой костью» – понятием, олицетворяющим род потомков Чингисхана.

¹¹⁷ В 451 г. впервые в истории император Маркиан был венчан на царство константинопольским патриархом. В дальнейшем обряд венчания на царство (коронация), родившийся в Византии и ставший, по существу, политическим актом, был признан во всех государствах Европы.

¹¹⁸ Впрочем, еще Иларион называл Киев третьим Иерусалимом, как бы предвосхищая идею «Москва – третий Рим» (*Иларион.* Слово о Законе и Благодати).

¹¹⁹ Так, Филофей, монах Елизаарова монастыря, пишет о Москве – третьем Риме, и возводит значение Московского государства до следующей формулы: «Два Рима пали, третий есть Москва, четвертому не быть» (*Соловьев С. М.* Соч. Т. 2. С. 340).

¹²⁰ См.: *Шмурло Е. Ф.* История России. М., 1997. С. 156.

¹²¹ Венчание на царство первоначально представляло собой возложение венца (короны) и барм. Со времен Федора Иоанновича к короне добавляется скипетр, при Василии Шуйском вводится новая регалия – держава, при Федоре Алексеевиче –

Мономаха, которую якобы прислал император Константин IX Мономах своему зятю, сыну киевского князя Всеволоду.¹²³ В этой истории нашла свое вещественное выражение идея исторической преемственности между Москвой и Византией. Материализация идеи произошла с цесаревной Софьей,¹²⁴ которая, будучи наследницей павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в новый Царьград, где и разделила их со своим супругом.¹²⁵ Надо сказать, что браки русских князей с греческими царевнами случались и ранее, однако свадьба Ивана III и Софьи Палеолог имеет совершенно иное значение. Освобождение Руси от татар совпало с падением Византии, отсюда совершенно естественно возникала мысль о правопреемстве. Вместе с религией и культурой новая суверенная власть Руси получала от Византии и внешние знаки ее величия – государственную обрядность и герб.¹²⁶

Таким образом, объединив вокруг Москвы русские земли, став наследником византийских императоров, введя ритуал венчания на царство, провозгласив себя царем и самодержцем,¹²⁷ Иван III заменил статус удельного князя государем московским, а с царским титулом приходит признание московского государя единственным властителем.

Кроме того, в правительственной практике Ивана III невозможно не увидеть влияния византийских образцов организации юридического обеспечения правления. Так, только из высокообразованных кругов юристов могла выйти идея о том, что каждое царствование должно иметь свой судебник. Однако «Судебник» 1497 г. создается не только с целью единообразия судопроизводства в Московском государстве, но и для того, чтобы подчеркнуть мысль, что верховная судебная власть в государстве принадлежит великому князю, наместники же вершат суд и управление по его указанию.

облечение в порфиру и произнесение исповедания веры. В церковном отношении важнейшим актом было возложение барм, перед которым совершалось рукоположение, как и при посвящении в церковный сан. В государственном отношении главным было возложение венца и вручение скипетра и державы. Позже, в XVII в., обряд венчания сопровождался миропомазанием, что свойственно ритуалу крещения и символизирует наделение человека, в данном случае царя, божественной благодатью. Обряд венчания производился митрополитом, патриархом или собором иерархов (см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 173).

¹²² Кстати сказать, Русь заимствовала у Византии еще и достаточно вольное отношение к вопросу престолонаследия. Отсутствие точного закона о престолонаследии не раз ставило Византийскую империю, впрочем и Россию тоже, в крайне опасное положение. Однако, по мнению Ф. Успенского, именно эта неясность давала возможность прийти к власти самым способным государственным людям. Во всяком случае, Иван III после опалы Дмитрия благословил сына своего Василия самодержцем всея Руси. Полный титул Василия выглядел теперь следующим образом: «Великий государь, Божию милостию Государь всея Руси и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, Государь и великий князь Новгорода Низовской земли и черниговский, и рязанский, и волоцкий, и ржевский, и бельский, и ростовский, и ярославский, и белозерский, и удорский, и обдорский, и бельский, и ростовский, и ярославский, и кондинский, и иных» (*Соловьев С. М.* Соч. Т. 2. С. 293).

¹²³ Обсуждая титул «император», полученный русскими государями от Максимилиана, императора Римского, капитан Маржерет замечает, что «они считают его не более величественным, чем тот, который они имеют, называясь Царь. Они называют императора Римского Цесарь, что произвели от Цезаря, а всех прочих государей – Король, в подражание полякам. Они говорят, что слово Царь находится в святых Писаниях. Отсюда они признают имя Царь более аутентичным, ибо Богу было угодно почтить Давида, Соломона и других, правивших домом Иуды и Израиля, а слова цесарь и король не что иное, как человеческое измышление». Если это так, то становится понятным название московского государя титулом «православный царь». Такое обращение к московским князьям, по-видимому, впервые документально зафиксировано 4 февраля 1498 г., когда митрополит во время обряда венчания на царство внука Ивана III, Дмитрия, приветствует Ивана следующими словами: «Божню милостию, радуйся и здравствуй, православный царь Иоанн, Великий князь, Самодержец всея Руси...» (см.: *Полевый Н.* История русского народа. М., 1993. С. 297).

¹²⁴ Иван III был женат вторым браком на племяннице византийского императора Константина XI.

¹²⁵ См.: *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 1. С. 436–437, 440.

¹²⁶ Справедливости ради необходимо сказать, что существует и несколько иное толкование происхождения государственного герба России. Помещая в 1497 г. на своей печати наряду с Георгием Победоносцем двуглавого орла, Иван III как бы подчеркивал свой высокий ранг и равенство с императором Священной Римской империи, гербом которой был также двуглавый орел.

¹²⁷ Титул «самодержец» вначале присваивался великому князю от лица подданных, прежде всего в писаниях духовных лиц и летописях; впервые Иван был назван царем и самодержцем митрополитом Симоном. Первым же, кто использовал этот титул в официальных документах, был Лжедмитрий I (см.: *Соловьев С. М.* Соч. История России с древнейших времен. М., 1989. С. 141; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Т. 2. С. 169).

Иван III, безусловно, имеет особые заслуги в уточнении множества черт русской государственности: и формы правления, которые мы можем наблюдать в Москве XVI в, и устройство высших совещательных органов, приказы, раздача поместий, и определение порядка службы, система налогов, судопроизводство, теория власти, обряд венчания, – все восходит к Ивану III. Он родоначальник, устроитель, изобретатель учреждений, церемониала и всей атрибутики власти.¹²⁸

Могущественную поддержку Москве в создании самодержавного государства оказывает духовенство. Уверенность приемов, упорство, неизвестно откуда возникшая теория власти, титулы, осознание государственного достоинства, внешние притязания, подкрепленные историческими и богословскими ссылками, – все говорит о помощи православного духовенства молодой монархии.

Именно из церковной школы выходили дьяки и подьячие, вполне соответствовавшие западноевропейским клирикам, ученикам университетов, заполнившим королевские канцелярии.

Кроме того, именно духовенство изобрело теорию божественного происхождения власти и потом постоянно совершенствовало ее.¹²⁹

Русский патриотизм, подобострастие церковных иерархов перед царями, привело к появлению множества легенд об истинном и кровном происхождении русской династии от самих древнеримских кесарей. Можно назвать послание бывшего тверского иерарха Спиридона-Саввы,¹³⁰ писанное еще при Василии III, о том, что русские князья ведут свой род от мифического Пруса – брата римского императора Августа. То же указание есть в Степенной книге:¹³¹ наше самодержавие «начася от Рюрика, иже б от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прус же брат бысть единоначальствующего на земли кесаря Августа».¹³²

Наконец, Иосиф Волоцкий сформулировал идею, что власть царя, как и власть Бога, абсолютна, всестороння и не ограничена. Осуществляя свою миссию, царь подчиняет своему руководству и церковь. Понятно, что появившийся в Москве самодержец – это двойник византийского императора, который был еще и главой церкви, и поэтому власть его распространялась как на государство, так и на церковь.¹³³

Иными словами, при такой постановке вопроса места каким-либо договорным, а значит, взаимозависимым отношениям между русским царем и его подданными не оставалось.

В связи с этим достаточно характерна история конфликта Ивана III с Новгородской республикой, послы которой назвали великого князя не господином, поскольку господином в их понимании был Великий Новгород, а государем, правителем государства Московского. Иван обиделся и потребовал для себя в Новгороде такого же государства, как в Москве. После пере-

¹²⁸ См.: *Bunner P. Ю.* Иван Грозный. М., 1998. С. 120–121, 124.

¹²⁹ См.: Там же. С. 119, 124, 125.

¹³⁰ Имеется в виду послание некоего Спиридона-Саввы о Мономаховом венце, написанном при Василии III не позже 1523 г. Основанием для данного послания явился факт хранения в казне московских князей парадных царских облачений: креста, золотой шапки, бармы. Вероятно, они когда-то были приобретены в Греции либо переданы в дар. Однако из легенды следует, что Владимир Мономах, родившийся от греческой царевны и носивший прозвище в честь своего деда Константина Мономаха, получил их от деда не как ничего не значащий подарок, а как знак вольного самодержавия над великой Россией.

¹³¹ Знаменитая Степенная книга была создана в 60-е гг. XVI в., в ней изложены, кроме событий русской истории, еще и биографии правящих государей, а также сведения о митрополитах и святых, живших в годы их правления.

¹³² См.: *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1997. Т. 1. С. 440.

¹³³ Действительно, в Византии представления о власти императора начали складываться после того, как христианство стало господствующей религией, т. е. в IV в. Император – единственный глава земного мира, избранный Богом для выполнения этой миссии. Его власть затрагивала самые разные сферы общественной жизни и никем не ограничивалась, он один являлся источником права. До середины XV в. для Руси существовало единственное препятствие на пути прямого заимствования византийских представлений о власти: на свете один православный царь – византийский император, ибо «Бога бойтесь – царя (единственного. – Ю. П.) чтите» (1 посл. св. ап. Петра, 2:17).

говоров новгородцы выдвинули некоторые условия, однако Иван отвечал им, что не понимает, какое может быть государство после их указания.¹³⁴

После этого инцидента понятие «государь» прочно входит в государственную терминологию, одновременно бояре и князья начинают называть себя холопами государевыми. Так гражданско-правовое понятие о владении переносится на уровень государственно-правовых и персонифицируется с великим князем как владельцем всех и вся на земле русской. За этим последовало кардинальное изменение отношений между правителем и его подданными: обсуждать или не обсуждать со своими холопами какие-либо дела – право великого князя.¹³⁵

С. Герберштейн, сравнивавший монархические институты власти Европы и России времен Василия III (ум. в 1533 г.),¹³⁶ «был поражен беспредельностью княжеской власти».¹³⁷ Он писал:

«князь имеет власть как над светскими, так и над духовными особами и свободно, по своему произволу распоряжается жизнью и имуществом всех»,

«противоречить ему или быть другого мнения никто не может»,

«воля князя есть воля Бога, и то, что князь делает, то делает по воле Божией»,

«неизвестно, такая ли загрубелость народа требует тирана государя или от тирании государя или от тирании князя этот народ сделался таким грубым и жестоким»,

«все признают себя холопами, т. е. рабами князя»¹³⁸

Эти характеристики княжеской власти говорят о единстве государства,¹³⁹ при этом, по образному выражению В. И. Сергеевича, слагается одна общая власть для всех князей, которой все они обязаны подчиняться. Изменяются традиционные условия княжения, противоречащие народным интересам. В силу завоевания возникает понятие о едином владыке Русской земли, которое впервые ассоциируется с татарским ханом, а потом мало-помалу применяется и к московским царям, которые с устранением татар становятся на их место.¹⁴⁰

Такая организация власти требовала особого режима управления, и в России начинает выстраиваться соответствующий аппарат управления, который обеспечивает имперские амбиции московских князей. Система управления государством представляла собой пирамиду. Наверху, на первом ее уровне, находился царь, единственный свободный человек государства; второй уровень составляла Боярская дума – совещательный орган при царе; третьим уровнем пирамиды были приказы – центральные органы государственного управления; наконец, на четвертом стояли воеводы, осуществлявшие управление на местах. Данная приказная система работала в достаточно стабильном общественном организме, для которого было характерным закрепощение всех слоев русского общества, включая боярство и духовенство, формально считавшихся, однако, всегда свободными.

Мысль о том, что все население России было рабами и холопами своего государя, высказывали многие историки, и подтверждается она хотя бы тем, что «Судебник» 1497 г. делит все население на «служивых» и «неслуживых людей». Одни – солдаты, включая бояр и князей, другие – работники. И никаких исключений для аристократии. Как писал С. Ф. Платонов, «вся

¹³⁴ См.: *Соловьев С. М.* Соч. Т. 3. С. 29.

¹³⁵ Уличенный в критике Василия III боярин Иван Берсень был приговорен к смертной казни. Поводом послужили следующие слова-обвинения: «Обычай старые князь переменил», а «лучше старых обычаев держаться и людей жаловать и старых почитать; а теперь государь наш, сам-третей запершишь у постели, всякие дела делает» (*Соловьев С. М.* Соч. Т. 3. С. 57).

¹³⁶ С. Герберштейн посетил Россию в 1517 г.

¹³⁷ См.: *История русской общественной мысли.* Л., 1925. Т. 20. С. 78.

¹³⁸ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 28, 66–68.

¹³⁹ Как уже говорилось, этому единству мы обязаны татарам, которые впервые объединяют Русскую землю.

¹⁴⁰ См.: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 578.

московская жизнь стала строиться на идее государственной „крепости“: одних она прикрепляла к государственной службе, других к тяглу». ¹⁴¹

Следовательно, жесткое, как на западе, деление на классы в России времен Ивана III отсутствует, феодализма в западном понимании термина нет, а церковь имеет власть только номинальную и поэтому на равных бороться с государством не может.

Что касается феодальных отношений, то здесь любопытно обратить внимание на наблюдение Г. В. Плеханова о том, что Курбский, хотя и кажется человеком, радеющим за свободу и пытающимся доказать свое право на нее перед царем, находится в обороне, постоянно оправдываясь за свое предательство. ¹⁴² Его борьба имеет совершенно иной характер, нежели борьба аристократов за свои права в западных странах, где она носила явно политический характер, имела определенную традицию, велась в течение многих столетий и основывалась на частной собственности. ¹⁴³

Из всего этого следует, что отношения класса русских феодалов с царем можно обозначить формулой «государь – холоп» и дать им определение княжеско-подданнических.

Именно княжеско-подданнические отношения больше всего и удивляли в России иностранцев. Они были воспитаны в иной феодальной системе, допускавшей для различных слоев общества определенные права и привилегии, которые в совокупности ограничивали произвол монарха. ¹⁴⁴

Такого рода отношения начали складываться в период, очерченный окончанием правления Карла Великого (742–814), короля франков, основателя западно-римской империи. Именно тогда на западе сложилась ситуация, при которой политическая власть юридически принадлежала богопомазанному властителю – королю, а фактически была в руках крупных феодалов, земельных собственников (включая церковь), которые, не оспаривая королевскую власть, успешно пользовались своим экономическим положением и, отталкиваясь от него, конкурировали с венценосцами в вопросах ее практической реализации власти. При этом общественно-государственные связи между королем и феодалами строились на основе персональных, договорных, взаимных и срочных отношений вассалитета, оформленных еще и актом коммандации. Предметом договора вассалитета было: со стороны короля – предоставление содержания, защиты и хлопоты по поводу выкупа; со стороны вассала – обещание верности и службы. Очень важно подчеркнуть, что обязательственной части договора придавалось очень важное значение: обе стороны (сильная – вассал, и слабая – сеньор) несли обязанности по отношению к друг другу. Особым условием договора было положение, в соответствии с которым нарушение сторонами какого-либо пункта соглашения влекло за собой аннулирование договора. ¹⁴⁵

Развитие отношений договорного вассалитета привело к учреждению судов, которые вначале были средством разрешения тяжб между правителем и вассалом, а впоследствии стали постоянным элементом общественной жизни. В дальнейшем западный феодализм создал

---

¹⁴¹ См.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 31.

¹⁴² См.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. С. 191–192.

¹⁴³ На Руси, по-видимому, первоначальным юридическим проводником идеи частного землевладения было рабовладение: сельский холоп давал земледельцу возможность не только эксплуатировать землю, но и признавать ее своею. Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающие, мною к ней привязанные, – таков был диалектический процесс усвоения мысли о частной земельной собственности первыми русскими землевладельцами. Подобная юридическая диалектика была естественна в то время, когда господствующим способом приобретения земельной собственности на Руси служило занятие никому не принадлежащих пустынных пространств. Кроме того, обилие свободной земли, использование подсечно-огневого способа земледелия и его коллективный характер не способствовали развитию частнособственнических интересов у самого крестьянства (см.: Ключевский В. О. Соч. Т. 8. С. 234).

¹⁴⁴ См.: Юрганов А. Л. У истоков деспотизма. С. 36.

¹⁴⁵ Несмотря на особенности взаимоотношений сюзерена и вассала в каждой европейской стране, которые определялись конкретными историческими обстоятельствами, общим и неизменным для Европы оставалось выполнение старого дружинного правила: князь или король – лишь первый среди равных.

целый ряд учреждений (парламент, Генеральные штаты), которые не были под полной властью монарха и тем самым создавали в обществе уверенность в возможности ограничения королевской власти.¹⁴⁶ Следствием всего этого стало появление первых конституций, которые являлись не чем иным, как обобщенной формой феодального договора вассалитета.¹⁴⁷

Западный вассалитет создавал такую правовую систему, при которой господствующий класс получал юридические гарантии своих прав и привилегий,¹⁴⁸ распространившиеся, впрочем, и на нарождавшееся «третье сословие».¹⁴⁹

Таким образом, исторически взращивались представления о юридически оформленных обязанностях власти по отношению к подданным.

Эти черты западноевропейского феодализма в России отсутствовали, и подобные отношения между князем и дружинником имели совершенно иную экономическую основу, о чем, собственно, написано выше. Причиной того, что эти отношения не развились до подобия западных аналогов, является то, что до появления Московского княжества, с его централизацией и единственным правителем, на Руси было относительно много конкурирующих между собой князей с правами-амбициями правителя¹⁵⁰ (в то время как на западе все произошло в обратном порядке: сначала распалась централизованная империя Карла, появились самостоятельные государства, а затем возник институт феодального вассалитета между королями и собственниками).

Как видно, единое Российское государство было образовано несколько иными, чем на Западе, способами. Отсутствие общего для русских земель суверена, иной принцип образования аристократического элемента власти, представители которого не участвовали в качестве первых лиц в процессе раздробления Руси; наконец, конкуренция исключительно между многочисленными Рюриковичами (в отличие от Запада, где феодалы, узурпировав власть на местах, имели возможность конкурировать с суверенами). Следовательно, западный путь образования унитарной государственности, для которого характерным было утверждение суверена, борьба с феодалами за полноту светской власти, наконец, соперничество с церковью или, скажем, урегулирование отношений с духовной властью, в истории России в рамках западной модели не проявился. Получив власть из рук татарских ханов, русские цари не имели соперников, с которыми конкурировали западные монархи в лице феодалов. Что касается отношений с церковью, то они выстраивались в режиме симфонии, которая, если и предполагала борьбу, то относительно скрытую, эпизодическую и персонифицированную.

---

¹⁴⁶ Английский теоретик конституционного права XVI в. Томас Смит выразил это следующим образом: «Суверенитет есть результат слияния короля и народа, происходящего, когда заседает парламент» (цит по: *Паўнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 96).

¹⁴⁷ Там же. С. 73.

¹⁴⁸ Первая хартия вольностей была дана английским феодалам королем Генрихом I (1100–1134). Она гарантировала соблюдение их прав и привилегий со стороны короля, который обещал искоренить «злые обычаи», т. е. злоупотребления короны, и восстановить права саксов и законы Эдуарда Исповедника. Кроме того, король, намереваясь ограничить политическое влияние феодалов, восстановил собрания свободных жителей в графствах и окончательно разделил церковную и светскую юрисдикцию.

¹⁴⁹ В Англии в начале XIII в., раньше, чем в любом другом европейском государстве, на основе отношений вассалитета и в развитие первоначально принятой еще Генрихом I была утверждена знаменитая Великая хартия вольностей, одна из статей которой гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона... и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны». И, несмотря на то, что бароны в борьбе за выполнение обязательств хартии потерпели поражение, Генрих III (1216–1272) в петиции «бешеного» парламента 1258 г. подтвердил все то, что от него требовали бароны. Наконец, при короле Эдуарде I (1272–1307) был провозглашен принцип: «Что касается всех, должно быть всеми одобрено».

¹⁵⁰ Бояре, которые также заключали договоры (ряды) с князьями, но не были обязаны служить конкретному князю, первоначально имели право уходить от него без какого-либо предупреждения; наконец, упомянутый договор не был, как у западных вассалов, пожизненным, взаимным по возложенным обязательствам. Кроме того, суд, куда боярин мог бы обратиться за защитой нарушенного князем права, отсутствовал. В результате правовые отношения между властью и отдельными представителями общества не привели, как это было на Западе, к договору, основанному на взаимных правах и обязанностях, и не стали развиваться. Напротив, власть приобретала только права над людьми, а общество – лишь обязанности перед властью.

Итак, чтобы сделать из Московского государства свою вотчину, князь должен был не только подчинить себе людей, но и максимально закрепить их за определенным сословием, местом службы или землей.

Москва первоначально, да и позже, время от времени старалась привлечь на свою службу людей из соседних княжеств и государств. Затем начались ограничения права передвижения свободных. Известно, что традиционно служба бояр основывалась на договоре, при этом, что очень важно, Москва настаивала на включении в договор пункта о праве бояр свободно выбирать хозяина. Чтобы как-то противодействовать Москве, Новгород в 1368 г. запретил своим гражданам покидать его территорию. Уличенный в нарушении запрета лишился права собственности на оставленное имущество. После принятия Литвой католичества (а территория возможной службы включала Литовское княжество) тех, кто самостоятельно покидал службу, стали обвинять в измене не только государству, но и вере.¹⁵¹ Теперь конфискации подлежала собственность беглеца, его семьи и всего рода.

Понятно, что такая политика Москвы была необходима ей для притока новых управленческих сил и не могла продолжаться долго. Москва последовала примеру Новгорода, и уже при Иване III¹⁵² перестала выполнять условия о свободе боярского выбора,¹⁵³ более того, начали сажать в тюрьму тех царских «слуг», которые были, по мнению власти, неблагонадежны. От людей требовалось обязательство (целование креста в присутствии духовного лица)¹⁵⁴, поручительство (круговая порука служилых людей на верность царю)¹⁵⁵ и залогов. Наконец, боярам при обоюдном согласии на уход от князя перестали выдавать соответствующие документы, свидетельствующие об их ранге и службе.

Положение же людей, находящихся на службе у литовских князей, было совершенно другим. Король Сигизмунд I на основании земских привилегий предшественников, Казимира и Александра, дал обещание оберегать панов от всякого понижения, земель и должностей не раздавать чужеземцам, по заочному обвинению должностей не отнимать, старых прав шляхты и мещан не нарушать, простых людей над шляхтою не повышать. Кроме того, княжата, паны, шляхта и бояре могли выезжать из Великого княжества на службу в другие государства, в случае если от такого отъезда не страдала служба королевская. И, может быть, самое главное – по смерти отцов сыновья и дочери имуществ отцовских и дедовских не лишались.¹⁵⁶

В Московском же государстве постепенно вводился принцип обязательности государственной службы для всех владельцев земли мужского пола.¹⁵⁷ Отказ от службы означал потерю права на землю.¹⁵⁸ Таким образом, если в соседних Польше и Литве шляхта постепенно доби-

¹⁵¹ Окончательный раскол между Литвой и Русью произошел в 1596 г., когда католической церкви руками иезуитов удалось склонить часть православной иерархии на территории Литвы к унии, после чего она, оставаясь внешне, обрядово, православной, стала подчиняться папе. Впрочем, унию не поддержало большинство православного населения, что, в свою очередь, ослабило как Литву, раздираемую религиозными противоречиями, так и Польшу.

¹⁵² См.: Соловьев С. М. Соч. Т. 3. С. 292.

¹⁵³ Напр., Иван III требует от ярославских бояр и их детей, чтобы им со своими вотчинами и куплями «от сына моего Василия не отъехати никому, никуда» (см.: Тихомиров Н. М. Древняя Москва. М., 1999. С. 370).

¹⁵⁴ Курбский пишет о том, что процедура клятвы (целования креста) часто происходит поневоле, так как постепенно был сформирован обычай: тот, «кто не присягнет – то умрет страшной смертью» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 170).

¹⁵⁵ См.: Соловьев С. М. Соч. Т. 3. С. 293.

¹⁵⁶ Там же. С. 302–303.

¹⁵⁷ Тем самым упразднялся институт частной собственности на землю, владение которой находилось в прямой зависимости от результатов службы и благосклонного отношения царя. Это обстоятельство также отличает Россию от Европы, где совокупная частная собственность, находящаяся в руках общества, не только давала возможность политической конкуренции с монархом, но и развивала ту часть экономической системы, которая не была вплетена в государство и стала экономической базой для гражданского общества.

¹⁵⁸ «Судебник» 1550 г. с большой осторожностью касается вопроса о праве собственности на землю. Законодатель, встав в оппозицию к передовым течениям того времени, по существу, препятствовал свободе обмена и экономическому развитию. Только в 1785 г., при Екатерине II, русским землевладельцам удалось получить более или менее определенные права на свои

лась закрепления за собой собственности (и отсюда ее независимость), то в Москве установился порядок условного владения за государеву службу. Он ставил имущественное положение в постоянную зависимость от успехов и неудач службы, делал человека несвободным.¹⁵⁹

Кроме того, так же, как в Византии и при татарах в Московском царстве, описывается все имущество: недвижимое, инвентарь и ценности, – производится измерение государства. Это еще одно подтверждение тому, что Россия является вотчиной государя, что земля не должна уходить от службы.

Доведение этого правила до повсеместного выполнения означало такую победу русского самодержавия, которую не сумел одержать, пожалуй, ни один монарх Европы.

При Иване IV завершается начатое Иваном III превращение всех землевладельцев, вотчинников наравне с помещиками в подвижное, пожизненно служащее воинство.¹⁶⁰

Право отъезда было окончательно уничтожено; бояре и слуги стали холопами государя и вынуждены были служить ему в течение всей своей жизни.¹⁶¹ После отъезда Курбского, воспринятого как предательство, видные бояре должны были дать клятвенное обещание не выезжать за границу.

Границы государства захлопнулись, выезд по частным делам становился все более непозволительным для власти; чтобы получить на него разрешение, необходимо было обратиться с челобитной к царю.

Князь Курбский указывал на то, что Грозный воспринял постыдный обычай чужих земель¹⁶² и «затворил царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне», и добавлял: «Если кто из твоей земли поехал, следуя пророку, в чужие земли, ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то казнишь страшной смертью».¹⁶³

Постепенно стало лимитироваться и внутригосударственное передвижение служилых. На отъезд в свою деревню аристократ должен был испросить разрешение у царя, чтобы оправдать время своего отсутствия на службе, да и вернуться необходимо было к оговоренному сроку.

Еще со времен Ивана III укрепилась практика финансирования боярами и дьяками собственных служебных переездов. Жалобы на недостаток денег часто заканчивались печально.¹⁶⁴

Для владельцев вотчин и поместий служба начиналась с 15 лет и была пожизненной. Введение обязательной службы для землевладельцев существенно повлияло на всю историю России.

Родовая аристократия превращалась в аристократию служивую, которая регулярно получала денежное содержание и пищу с царского стола. Кроме того, каждый знатный человек дол-

---

поместья.

¹⁵⁹ Нечто подобное можно было наблюдать в Турции, однако существуют еще более древние примеры. К. А. Неволин, напр., усматривал прямое заимствование опыта Византии, где поместье считалось временным, условным владением, доходы от которого служили жалованием его обладателю за службу. Совершенно естественно, что, когда чиновник покидал государственную службу, он лишался и своего участка. Наконец, Р. Ю. Виппер нашел в византийских сводах эпохи исаврийских и македонских императоров уставы устройства стратиотов, т. е. воинов-землевладельцев, несших службу пограничной стражи гарнизонами в покоренных областях. Может быть, этот исторический пример указывает на истоки русского казачества? См.: Виппер Р. Ю. Иван Грозный. С. 131.

¹⁶⁰ Там же. С. 137.

¹⁶¹ См.: Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 361.

¹⁶² Такой порядок закрытия границ не был чем-то необычным, он существовал и в других государствах того времени. Например, подобные ограничения были в Польше, о чем, собственно, писалось ранее. В 1481 г. во Франции был арестован и посажен в самую тесную камеру тюрьмы граф дю-Перш. Причина ареста заключалась в том, что он хотел покинуть пределы Франции (см.: *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1993. С. 243).

¹⁶³ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 172.

¹⁶⁴ Дьяк Далматов объявил, что не имеет средств для поездки послом к императору Максимилиану, за что был схвачен и навеки заточен в монастырь, имение же его было отобрано в казну. Вообще, служебные жалобы не одобрялись, жалобщиков ждал кнут, лишение языка или другое наказание (см.: *Соловьев С. М.* Соч. История России с древнейших времен. Т. 3. С. 293).

жен был содержать двор в Москве, так как большую часть времени он проводил около государя, а не в своих владениях, передоверяя другим управление ими. Таким образом, с интересами государственной власти были тесно связаны интересы служилых аристократов, в результате чего воспринимавшихся в провинции чужими, представителями центра, от которых ждать чего-либо хорошего не приходилось.

Иным было положение провинциального дворянства, интересы которого часто расходились с властью и были сконцентрированы на своей земле. Однако сравнивать служилую и провинциальную часть общества сложно, так как по силе, мощи и влиянию первая была вне конкуренции. Принципиальным же моментом является то, что на западе развивалась как раз провинциальная часть дворян. Их было больше, они были богаче и независимее, однако гарантии своей вольности они имели только от монарха, но не друг от друга.

В начале XVII в., когда в ходе смуты появилась возможность развития России по польскому пути, находившийся в то время в Москве польский шляхтич Самуил Маскевич записал такие высказывания своего русского собеседника: «Ваша вольность вам хороша, наша неволя – нам, ведь ваша вольность... это своеволие, разве мы не знаем того... что у вас сильнейший угнетает худого, свободно ему взять у более худого владение и самого убить, а по праву вашему искать справедливости придется много лет, прежде чем дело завершится, а то и не завершится никогда. У нас самый богатый боярин самому бедному ничего сделать не может, так как после первой жалобы царь меня от него освободит».¹⁶⁵

Что касается людей низших сословий, то с XVI в. крестьянам запрещалось покидать свои земельные участки,¹⁶⁶ при этом они не были прикреплены ни к земле, ни к конкретному лицу; они были, если можно так выразиться, прикреплены к государству: крестьянин при посредстве помещика на в был сделан государственным работником.¹⁶⁷ Одновременно купцам запрещалось менять место жительства, а священникам слагать с себя сан и покидать приход.

Наконец, еще одна деталь – простолюдинам запрещалось переходить в ряды служилых людей, тем самым достигалось не только жесткое сословное определение населения, но и расписание сословных обязанностей перед государством, которое олицетворяли служилые люди.¹⁶⁸ Таким образом, каждое сословие приобретало вид закрытого сообщества, в котором формировались собственная мораль, культура и традиции. Изменить свое сословное состояние было достаточно сложно, во всяком случае, попытки многих царей, в частности Ивана Грозного или Петра I, привлечь советников из низших слоев общества встречали мощное сопротивление высших сословий. И поскольку, как уже говорилось, государственная служба напрямую связана с владением землей и по-настоящему свободных людей просто не было, то выходило, что в России выстроилась система рабства, требовавшая безусловного подчинения по вертикали: с одной стороны, хозяину-владельцу, а с другой – представителю государства, которые, как правило, совпадали в одном лице.

Таким образом, сопротивление владельцу-хозяину воспринималось как сопротивление власти, установленной Богом. Кроме того, иерархия управления предполагала, что владение, собственность и даже жизнь всех нижестоящих управленцев находились в прямой зависимости от вышестоящих начальников, благополучие которых, в свою очередь, зависело от царя. Здесь и кроется пояснение формулы С. Герберштейна о том, что все признают себя холопами, т. е. рабами своего Государя.¹⁶⁹

---

¹⁶⁵ Цит. по: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 396.

¹⁶⁶ «Судебник» 1497 г. распространял дату перехода крестьян (одна неделя до и одна после осеннего Юрьева дня, когда все сельскохозяйственные работы были закончены) на все земли Московского государства.

¹⁶⁷ См.: *Хлебников Н.* О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 273.

¹⁶⁸ Исключения были возможны только благодаря усердной воинской службе или постригу.

¹⁶⁹ Еще более точно, но уже в начале XIX в., когда эта управленческая пирамида, казалось бы, уже должна была приобрести

В результате в основании московского государственного порядка изначально были заложены два внутренних противоречия, которые все больше давали о себе знать. Первое можно назвать политическим и определить словами В. О. Ключевского: «Московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации». Это, собственно, и привело к открытому столкновению царя и боярства. Другое противоречие состояло в том, что интересы низших классов, труд которых был основой народного хозяйства, приносился в жертву интересам служилого сословия.¹⁷⁰

Здесь можно говорить еще об одной корректировке характера русского народа и согласиться с мнением Л. Н. Гумилева, писавшего, что русские люди эпохи Киевской Руси и Московского царства – два разных народа, и причина тому татарское наследие.¹⁷¹ «В татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского национального лица. Этот тип психологически представляет сплав северного великоросса с кочевым степняком, отлитый в формы осифлянского православия».¹⁷²

Однако вернемся к теме укрепления самодержавия. Долго умирающий¹⁷³ Василий III, которого называли «свершителем божественной воли» и «держателем ключей Божьих», сумел хорошо подготовить процедуру передачи власти. Мысль его свелась к тому, чтобы создать Ивану IV своеобразное регентство – боярский совет из доверенных лиц.¹⁷⁴ Согласно официальной летописи, Василий III, умирая, «приказывал» великой княгине Елене «државствовати скипетр великия Русиа до взмужания сына своего». По Псковской летописи, Василий III нарек Ивана IV «великим князем и приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим».¹⁷⁵

В 1546 г. молодой Иван IV удивил бояр тем, что задумал жениться, но прежде хотел по традиции родителей своих «на царство садиться».¹⁷⁶ Таким образом, первым помыслом шестнадцатилетнего Ивана было уйти от боярской опеки, принять титул царя и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Вспоминая это событие, Иван IV писал: «Нам же пятанадесят лет возраста преходяще, и тако сами яхомся строити свое царство, и по Божией милости и благо было началось строити».¹⁷⁷ Пожалуй, он был первым из московских царей, который внутренне почувствовал себя царем в библейском смысле этого слова – помазанником Божиим.

16 января 1547 г. Иван IV венчается царским венцом и становится «первым на Москве нареченным царем». Через месяц, 2 февраля, отпраздновали его свадьбу с Анастасией Романовой Захарьиной (из старинного московского боярского рода), что явилось внешним пока-

---

более цивилизованный вид, выразил зависимое состояние русского общества М. М. Сперанский, который писал, что в России есть только два человеческих состояния – «рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым...» (см.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 43).

¹⁷⁰ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 84.

¹⁷¹ См.: *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. М., 1992. С. 102.

¹⁷² *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 284–285.

¹⁷³ Перед смертью он тяжело болел два месяца.

¹⁷⁴ См.: *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. С. 34.

¹⁷⁵ Цит. по: *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 82.

¹⁷⁶ Надо сказать, что, несмотря на наличие работ многих публицистов того времени, политические взгляды Ивана Грозного лучше всего изложены им самим. Эти источники являются самыми ценными, так как не только позволяют войти во внутренний мир Ивана IV, но и проследить динамику ценностей, составляющих палитру его мировоззрения параллельно с изменением его личности. Среди них в рамках нашего интереса можно выделить, во-первых, речь царя на Стоглавом соборе 1551 г., где он говорил, что многие царства прошлого погибли из-за того, что правители забыли библейские заповеди, проявляя жестокость и насилие по отношению к своему народу, и пообещал, что всегда будет выслушивать предостережения и советы духовенства; во-вторых, не менее значимый для нашей темы источник – переписку с Андреем Курбским. При этом следует признать, что в западноевропейской истории нет памятника, подобного этой переписке.

¹⁷⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29.

зателем официально провозглашенной самостоятельности молодого государя. Как совершенно справедливо пишет С. О. Шмидт, столь торжественное утверждение единодержавия на всей территории Российского государства подрывало почву для притязаний бояр на соучастие в управлении государством и для притязаний отдельных областей государства на политическую обособленность.

Кроме того, венчание на царство приравнивало московского государя к европейским монархам и лишало их почвы для установления в какой бы то ни было степени зависимости Российского государства.¹⁷⁸

После 1547 г. Москва сделалась царствующим градом.¹⁷⁹ Страну стали официально называть царством.¹⁸⁰ В представлении современников понятия «государство» и «царство» становятся тождественными. При этом одновременно пользовались наименованиями «Московское царство» и «Московское государство», «Российское царство» (даже «Русское царство») и «Российское государство».¹⁸¹

О короновании Ивана IV иностранные государства были извещены не сразу. Узнав об этом, польские послы потребовали письменных доказательств, однако хитроумные бояре отказались, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения и тогда спорить с ними будет сложно.¹⁸²

Однако после взятия Казани и Астрахани появляется новый довод для оправдания царского титула и частично изменяется теория: теперь сначала говорят о царском звании Владимира Святого, который на иконах писан царем, затем ссылаются на титул и права Мономаха, и, наконец, после указания на взятие царства Казанского, констатируют, что и сам Иван IV стал царем.¹⁸³ Дело в том, что в греческом православии и славянстве бытовало представление об обретении царственной мощи через овладение центром, средоточием ее. Новый Рим, Константинополь, основывался не на развалинах старого. По идеальной последовательности событий, отраженной в житийной легенде, Константин Великий сам взял Рим, овладел им, вошел в него с победой, затем перешел из старого Рима в Византию и перевез в новую столицу столпы и статуи – символы имперской мощи. Славяне, назвав новый Рим Царьградом, мифологизировали его как символ царской власти. Ущербность воцарения Ивана IV¹⁸⁴ заключалась в том, что он не ходил победоносным походом на Царьград за царскими знаками, ибо Царьград к тому времени пал. Поэтому-то в сознании его оппонентов остро вставал вопрос о неправильности русского порядка событий.¹⁸⁵

---

¹⁷⁸ См.: Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 83.

¹⁷⁹ Кстати сказать, Ченслер, побывав в Москве времен Ивана Грозного, посчитал, что она вместе с предместьями больше Лондона.

¹⁸⁰ В 1551 г. Стоглавый собор учредил православие в качестве национального культа Руси, тем самым отбросив греческую и провозгласив русскую традицию православия. Постепенно, однако очень настойчиво, утверждалось представление о России как о единственной стране, сохранившей православие. При этом подразумевалось, что путь государственного строительства России уникален и сугубо самостоятелен, поскольку опереться на чужой, отрицательный опыт стран, погрязших в ереси и латинстве, невозможно. Так Москва стала третьим Римом, заняла в православном мире особое место, а правители ее укрепили себя в совершенной уверенности в том, что от ее действий зависят судьбы всех православных христиан. С этой уверенностью велись войны, колонизации и обращение иноверцев.

¹⁸¹ См.: Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 21.

¹⁸² См.: Скрышников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. С. 138.

¹⁸³ См.: Виттер Р. Ю. Иван Грозный. С. 140–141.

¹⁸⁴ Венчание на царство в полном значении этих слов было совершено только над преемником и сыном Ивана IV, царем Федором Иоанновичем, 3 мая 1584 г. по особой книге царского венчания греческих царей. Книга эта была прислана в Москву Константинопольским патриархом вместе с утвердительной грамотой на царский титул. Таким образом, произошло, так сказать, законное венчание на царство. Кроме того, коронация Федора совершалась по соборной грамоте, утвердившей в точности весь порядок священнодействия. Эта грамота в дальнейшем служила основанием для исполнения торжественного обряда (см.: Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв.: по Забелину, Ключевскому, Карновичу и др. М., 1992. С. 77).

¹⁸⁵ См.: Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 171–175.

Отвечая своим оппонентам, Грозный пытается доказать¹⁸⁶ истинность своего понимания власти, построенной на иных принципах, не свойственных дружинной традиции. По существу, послания Курбскому не что иное, как теоретическое обоснование правильности неограниченного самодержавия. При этом Грозный показал себя как политический деятель, который, осуществляя власть, владеет не только приемами приказа, но и убеждения.

Грозный искренне верит, что самодержавие – единственно правильная форма суверенного правления.¹⁸⁷ Однако его понимание самодержавия буквально: он вникает во все мелочи управления, самостоятельно участвует в теологических диспутах,¹⁸⁸ ведет переговоры и общается с послами иностранных государств, при этом демонстрируя многие знания, недюжинный ум и красноречие. В своих письменных произведениях Иван IV приводит множество ссылок на древние русские летописи, цитирует наизусть библейские тексты, места из хронографов, русских летописей. Он был одним из самых начитанных людей своего времени, недаром современники звали его «словесной мудрости ротатором».¹⁸⁹

Здесь уместно сказать, что многие авторы, в частности М. Ф. Владимирский-Буданов, считали, что термин «самодержавие», означающий единоличность и неограниченность полноты власти, коренится в древнем стремлении русского народа к «одиначеству»¹⁹⁰ с верховной властью, что предполагало тождество верховной воли и интересов населения.¹⁹¹ Однако постепенно усилиями московских князей и при участии различных разработчиков политических учений, среди которых особо выделяется Иосиф Волоцкий, понятие о самодержавии русских царей изменилось совершенно.¹⁹² Иосиф Волоцкий, основатель и игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, создал основы идеологии самодержавия. Согласно его доктрине, Государь «естеством подобен всем человекам, властью же – Богу», его «власть имеет постановление от Бога» и «на божеском престоле», т. е. на всей русской земле, она простирается в отношении всех подданных, включая и удельных князей. Таким образом, являясь наместником Бога на земле, царь становится главой не только государства, но и церкви.¹⁹³

Иван Грозный писал, что «русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи»: «Бог дает власть, кому хочет... по Божьему изъявлению и по благословию прародителей и родителей своих... с рождения был я предназначен к царству: и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство; на царском престоле и вырос».¹⁹⁴ Его же перу принадлежит еще более жесткая формула: «... помимо Божией милости, милости Богородицы и всех святых, не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей...»¹⁹⁵

¹⁸⁶ В частности, он требует от императора Священной римской империи Карла V признания своего императорского (царского) титула, ссылаясь на грамоту, в которой Максимилиан I якобы когда-то титуловал великого князя московского «императором и самодержцем всех русов».

¹⁸⁷ Впрочем, московские иерархи также считали, что самодержавие олицетворяет собой независимость московского монарха от других государств.

¹⁸⁸ Он любил беседовать на богословские темы, не пренебрегая ими даже за обеденным столом. В 1570 г. Грозный устроил торжественную беседу о вере с пастором польского посольства чехом евангеликом Рокитой в присутствии посольства, бояр и духовенства. В своей пространной речи он изложил пастору обличительные пункты, приказал ему защищаться «волью и смело», без всяких опасений. Затем, внимательно выслушав речь богослова, написал на нее опровержение.

¹⁸⁹ См.: Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 186–187.

¹⁹⁰ В. Даль толкует слово «одиначество» как синонимы, «заединщина», круговая порука, общая цель, дух (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 2. С. 1675).

¹⁹¹ В то же время традиционный для Руси вечевого порядка организации власти не предполагал ни самодержавия, ни абсолютной власти в чьих-либо руках.

¹⁹² См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 173.

¹⁹³ См.: Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 640.

¹⁹⁴ Надо сказать, что подданные русского царя «открыто признают, что воля князя есть воля Бога и что князь делает, то делает по воле Божией; потому они даже называют его Божиим ключником и постельником и, наконец, верят, что он есть исполнитель воли Божией» (см.: Герберштейн С. Записки о Московии. С. 28).

¹⁹⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 122, 126, 156, 166, 167.

Грозный в переписке с вновь избранным польским королем Стефаном Баторием относительно источника власти указывает: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по Божию изволению, а не по многоятежному человеческому хотению». Разговаривая с послами, он заявляет, что «в том ваша воля: мятежом человеческим хотя и кого бы хуже родом выбрали – то вам государь; а нам с кем пригоже быть в братстве, тот нам и брат, а с кем непригоже, тот нам и не брат».¹⁹⁶

Сравнивая формы правления в других странах, Грозный пишет, что о «безбожных (не православных. – Ю. П.) народах нечего говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют», т. е. превратились как бы в президентов коллегии вельможных сановников.¹⁹⁷ Он чрезвычайно трепетно относился к своему царскому титулу, все контакты с зарубежными государями осуществлялись с позиции равенства по положению московскому государю.¹⁹⁸ По тогдашним понятиям настоящий правитель должен происходить из древнего рода, получить власть по наследству и быть независимым¹⁹⁹ от какой-либо внутренней или внешней власти.²⁰⁰ Очень строго определялось, кого из них русский царь может назвать братом, а кого – нет. В середине XVI в. государями-братьями считались турецкий султан, цесарь германский, король польский и крымский хан.

Грозный с полным презрением обращается к шведскому королю: «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичий род, а не государьской». Он не хотел быть «старостой в волости», коими ему представлялись иные королевские особы.²⁰¹

Таким образом, шведский король Густав Ваза, избранный сословиями в 1523 г., равным не признавался по причине его зависимости от сената и по рождению: начало династии Ваза положило регентство. Грозный даже позволяет себе поучать Сигизмунда, который назвал шведского короля «братом»: разве не известно польскому государю, что дом Ваза происходит от водовоза? Этой же участи были подвергнуты дети Вазы, Эрих XIV и Юхан III, польский король Сигизмунд II и великий князь литовский.

Уловив ограниченный характер английской монархии²⁰² и узнав об отказе английской короны от брачного союза, Иван IV утратил чувство меры и бесцеремонно упрекал Елизавету в том, что английская королева так неуважительно отнеслась к потомку римских кесарей. Он думал, что она госпожа себе и свободна в своих действиях, но теперь видит, что ею управляют

¹⁹⁶ Цит. по: *Соловьев С. М.* Соч. Т. 3. С. 626.

¹⁹⁷ Действительно, укрепление самодержавия в России происходило на фоне совершенно других процессов на западе. Парламентаризм, коего так боялся и пытался избежать в своем государстве Иван Грозный, вполне успешно развивался в Швеции и Польше, где короли находились в зависимом от дворянства положении; в Англии, где королева не только должна была обсуждать государственные дела в парламенте, но и не могла самостоятельно решать отдельные вопросы; во Франции, где решения короля в военных и финансовых вопросах также зависели от парламента. Различного рода палаты и форумы управляли республиками в Италии. См. об этом: *Bunper P. Ю.* Иван Грозный. С. 127 и др.

¹⁹⁸ После установления единодержавия в Москве очень внимательно относились к исследованию достоинств и оценке власти иностранных государей. Так, известен случай, когда советники Василия III не могли определить, как относиться к посольству из Индии от Бабура, потому что неизвестно, государь он или простой урядник (см.: *Карамзин Н. М.* История государства российского. Т. V–VIII. С. 398).

¹⁹⁹ «Царь царю не кланяется, но, когда один умирает, другой принимает власть» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 142).

²⁰⁰ См.: *Дьяконов М.* Власть московских государей. С. 146.

²⁰¹ См.: *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 98.

²⁰² Думаю, что Грозный сравнивал правление Елизаветы и Генриха VIII, который, по-видимому, был для него некоторым примером. Во время правления Генриха VIII происходит соединение светской и церковной власти в руках короля. Прошлые завоевания свободы рушатся, король перестает заискивать перед народом. Приняв в 1534 г. «Акт о верховенстве», Генрих ликвидировал власть папы в Англии и стал главой английской церкви. Чуть позже было принято «Постановление за прекращения разномыслия». В рамках этого акта изменой могли считаться не только дела и слова, но и молчание. Власть требовала от человека раскрытия его мысли, карали тех, кто отказывался признавать полноту и верховенство королевской власти. Ликвидировав самостоятельность церкви, король устранил последнее учреждение в государстве, оказывавшее ему сопротивление. Кульминацией английского абсолютизма было подчинение парламента королевской власти и согласие последнего воспринимать указы короля как законы. После смерти короля решение это было немедленно отменено.

другие, и кто же? Простые мужики! Однако наиболее интересна та часть письма, где он удивляется, что в Англии, помимо королевы, еще кто-то, даже простой человек, может владеть собственностью.²⁰³ «Мимо тебя люди владеют... мужики торговые о государственных головах не смотрят... ищут своих торговых прибытков».²⁰⁴ Не особенно церемонясь, Грозный называет Елизавету «пошлой девицей», «засидевшейся в девках».²⁰⁵

Теория власти, по Грозному, включает в себя положение о разделении духовной и светской власти. Вывод о том, что священство не должно вмешиваться в светские дела, подтверждается множеством исторических примеров и ссылок на распад римской империи и падение Византии, ослабевшей под влиянием церкви. В литературе, предоставленной ему посредством греческих и итальянских подданных Софьи Палеолог, да и собственными учителями и наставниками,²⁰⁶ Иван нашел полемику против теократии и доказательства в пользу самодержавия, мощной и передовой светской власти.

Отрицая теократическую форму государственного правления, Иван IV говорит, что нет «красоты там, где государство находится в руках попа-невежды, а царь им повинует», ибо когда «поп и лукавые рабы правят, царь только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба». Таким образом, Грозный не воспринимает «ни многоначалия, ни многовластия», считая, что страны, в которых «цари были послушны епархам и вельможам», в конечном итоге погибли.²⁰⁷ При этом он жестко разделяет обязанности и функции духовной и светской власти, говоря, что «одно дело – спасти свою душу, а другое дело – заботиться о телах и душах многих людей; одно дело – отшельничество, иное – монашество, одно – священническая власть, иное – царская власть. Отшельничество подобно ягнцу беззлобному или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, подчиняются уставам и заповедям, если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же власть требует строгих запретов за вину и зло; допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти дозволено действовать страхом и запрещением и обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей... Только священникам подобает смирение, царь же не может допустить над собой бесчестие». «Я, – пишет Грозный, – не захотел быть под властью своих рабов...»²⁰⁸

Грозный выстраивает свою иерархическую систему государственно-церковного управления: «Во всех существах воздается от высших к низшим... те, которые поставлены от Бога начальствовать над другими, воздают низшим и подчиненным по их достоинству... Итак, сам управляй, как должно, своими желаниями, яростью и разумом, а тобою церковнослужители, а ими – священники, а священниками – священно-начальники, а священно-начальниками – апостолы и преемники апостолов. И если кто согрешит, нарушив свои обязанности, то исправлять должны святые того же чина, и чин с чином не смешивается. Пусть каждый останется в своем чине и в своем служении».²⁰⁹

²⁰³ В свою очередь, англичанин Чанслор писал в 1556 г., что в этой стране (Московии) нет собственников (см.: *Bunner P. Ю. Иван Грозный*. С. 139).

²⁰⁴ Там же. С. 171, 174.

²⁰⁵ См.: *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 98.

²⁰⁶ Одним из его учителей был митрополит Макарий.

²⁰⁷ Примеров такого рода у Грозного было много: Израиль, Рим, Византия. Но самым ярким, по-видимому, была роковая неспособность шляхетской республики в правление Сигизмунда I, который потерпел полную неудачу в своей попытке вернуть короне распоряжение государственной землей и ввести обязательную военную повинность шляхты. Более того, во время этого же правления шляхта сумела закрепить свои вольности законами, которые гарантировали ей монополию землевладения и обеспечили в лице крестьян постоянных рабочих, вполне подчиненных ее суду и управлению (см.: *Bunner P. Ю. Иван Грозный*. М., 1998. С. 128).

²⁰⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 126, 130, 131, 134, 138.

²⁰⁹ Там же. С. 159–160.

Грозный всем своим поведением доказывал, что церковь не может ни судить его поступки, ни покушаться на государственную власть, что он выше церкви и от его произвола зависит ее собственность, достоинство и жизнь ее сановников.²¹⁰

Таким образом, власть царя распространялась не только на светских, но и на духовных людей: царь свободно распоряжался жизнью и имуществом всех.²¹¹

В то время как в Европе, с XIII в. начинает постепенно утверждаться различие между собственностью монарха²¹², государства²¹³ и собственностью частной,²¹⁴ в понятие власти московского государя входит очень существенное и характерное для России обстоятельство – явная патримониальная окраска власти, которая происходила из порядков, традиций и культуры удельной старины. Однако при Мономахе «отеческая опека» уступила место «простой политической гегемонии» старшего, сильного над младшим, зависимым.²¹⁵ Вся полнота владельческих прав князя на наследственный удел была усвоена московскими государями и распространена на все государство.²¹⁶

Эта мысль явно просматривается в написанном Сильвестром «Домострое», рисуящем образ строгого, но справедливого отца, грозу семейства, ответственного за своих домочадцев и слуг, которые должны бояться своего отца, мужа и хозяина, как он сам должен бояться царя и служить ему верой и правдой. Таким образом, по «Домострою» выходило, что русское государство – та же семья и законы управления государством и семьей одни и те же. Кроме того, русский царь хоть и крут, грозен и страшен, но все же справедлив. Почитать его надо как отца родного, ибо он один отвечает за жизнь, имущество и поступки своих детей – подданных.²¹⁷

Так, на основе одного из основных принципов православия – неограниченности патриархальной власти, выстраивается пирамида централизованного управления обществом, главными элементами которого являются государство и семья.

Поэтому-то Грозный и считал себя собственником своей земли (государства),²¹⁸ людей, которые жили на этой земле, и их собственности. Очень точно эту мысль сформулировал Иван

---

²¹⁰ Появившийся в Москве самодержец – это двойник византийского императора. Однако последний был еще и главой церкви, и поэтому власть его распространялась как на государство, так и на церковь.

²¹¹ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 28.

²¹² К сожалению, даже в XIX в. сложности с принятием конституции были связаны с тем, что русские цари, несмотря на свое западное и у некоторых из них либеральное воспитание и мировоззрение, пребывали в состоянии собственника своей страны. Вспомним хотя бы, что писал Николай II, заполняя анкетный лист Всероссийской переписи населения в 1897 г. На вопрос о звании царь ответил: «Первый дворянин», в графе «Род занятий» записал: «Хозяин земли русской» (см.: *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 81). Конечно, в XX в. эта запись Николая имела скорее психологический, нежели юридический и экономический аспект, однако она несет в себе громадный заряд наследуемых русскими царями из поколения в поколение собственнических отношений.

²¹³ До Петра Россия не знала института государственного бюджета, который впервые был утвержден в 1700 г. (Напомню, что право частной собственности на землю утвердилось только в 1785 г. при Екатерине II.) Наконец, Павел I создает Департамент Уделов для управления имуществом Романовых, а Николай I в 1826 г. преобразует его в Министерство Императорского двора и Уделов. Однако до второй половины XIX в. государственный бюджет в России оставался государственной тайной.

²¹⁴ *Хрестоматия по всеобщей истории государства и права.* М., 1996. Т. 1. С. 370.

²¹⁵ См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по истории Древней Руси. М., 1993. С. 97.

²¹⁶ Представления о королевстве как о личной вотчине монарха не чуждались и на западе. Сохранились записи о беседах Фридриха II с двумя правоведами, которых он спрашивал, «не является ли император по праву собственником всего, что принадлежит его подданным». Собеседник, у которого хватило мужества ответить откровенно, отверг такой взгляд: «он господин в политическом смысле, но не в смысле собственника». Теоретики на западе твердо разграничивали собственность и власть. Так, испанский правовед XV в. формулировал свое отношение к вотчинному правлению: «Королю вверено лишь управление делами королевства, а не господство над вещами, ибо имущества и права государства имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной» (цит. по: *Паїнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 92, 93).

²¹⁷ См.: *Домострой Сильвестровского извода.* СПб., 1902.

²¹⁸ Примерно с 1290 г. обычай во Франции требовал, чтобы король относился к имуществу короны как к неприкосновенному фонду. После 1364 г. от французских королей требовалась клятва в том, что они не отторгнут ни малейшей части доставшегося им при вступлении на трон королевского поместья; исключения составляли лишь государственные доходы, личное имущество и завоеванные земли. В XVI в. постановили, что завоеванные королем территории остаются в его распоряжении всего десять лет, а затем включаются в поместье короны (цит. по: *Паїнс Р.* Россия при старом режиме. С. 93).

Тимофеев, сравнив русское государство с «домом сильножителя». Собственно, об этом же говорят московские бояре во время переговоров с литовскими послами: «... Русская земля вся – вотчина государя нашего;... наши государи самодержцы, никем не посажены на своих государствах; а ваши государи – посаженные государи; так который крепче – вотчинный ли государь, или посаженный – сами рассудите».²¹⁹

Именно такое понимание верховной власти как собственности лежит в основе русского самодержавия. Действительно, кто из западных монархов мог казнить высших сановников государства, приговаривая, что «жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить», и утверждать, что «русские властители ни перед кем не отчитывались и не судились с подданными своими ни перед кем»?²²⁰ Кто из них мог назвать вассала своим холопом? Суть этого явления – не в формальном признании: «Аз холоп твой», а в безудержном произволе, когда любого высшего сановника без суда и следствия можно затравить псами, поджарить на медленном огне, посадить на кол, казнить. Для Грозного не важны ни вина, ни добродетель подданного; их определяет сама царская воля, которую ведет только одно – желание монарха. В формуле «аз холоп твой» отражена история становления деспотического самодержавия, власти, не имеющей границ.²²¹

Надо сказать, что почву для появления и расцвета отношений подданства подготовило все то же монгольское нашествие. Новая знать возникла при княжеском дворе.²²² Дворяне, как слуги князя, становятся собственниками земли, а большей частью ее пользователями.²²³ Они составляют верхушку служилых людей – аристократов, которые поставляют ко двору военачальников и администраторов.

Эта дворянская прослойка в массе своей была бедна, экономически неустойчива, жадна до земли и крестьян, но вполне определена в своих политических симпатиях и антипатиях. С самого возникновения дворянство было поставлено в положение соперника боярства, однако соперника слабого, неуверенного в завтрашнем дне, жившего одними княжескими милостями; поэтому в глазах дворянина сначала князь (XII–XIII в.), а затем царь был и умным кормчим, и сильным крепостью, и могучим дубом, и противостоящим бурям и ветрам, а боярство – жадным, напористым обидчиком. «Лучше мне в лаптях жить при княжеском дворе, чем в сафьяновых сапогах при боярском», – говорил один из княжеских слуг, Даниил Заточник.²²⁴

Идейными наставниками Ивана IV были Иосиф Волоцкий (советник отца и деда Грозного) и Вассиан Топорков. Благодаря их рассуждениям Иван воспринял идею божественности собственной власти, которая не может быть ни разделена, ни ограничена, ни подчинена какому-либо контролю.

Интересны, например, рекомендации, данные царю Вассианом Топорковым, одним из старых и верных советников покойного Василия III, в Николо-Песношском монастыре, где

²¹⁹ Цит. по: *Виннер Р. Ю.* Иван Грозный. С. 172.

²²⁰ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 136, 144.

²²¹ Если Христос не стыдился называть своих верных людей братьями, то для русского царя подданные не братья, а рабы, холопы, от которых требуется только слепое подчинение и покорность его воле. Такая модель организации власти, по мнению Грозного, не просто идеальна, а единственно возможна. Видимо, прав В. О. Ключевский, писавший, что «властный человек в Древней Руси легко забывал, что он не единственный человек на свете, и не забывал рубежа, до какого простирается его воля и за которым начинается чужое право и общеобязательное приличие. Древнерусская набожность имела довольно ограниченное поле действия, поддерживала религиозное чувство, но слабо сдерживала волю» (см.: *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 1990. С. 111).

²²² Этимология этого слова прямо указывает на то, что это люди двора, что они не свободны, в то время как аналогичные западные термины (барон – воинственный человек, сеньор – старший, джентри – благородный, пан – господин) не несут в себе признаков службы или подчинения. (*Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма. С. 42–43).

²²³ Н. М. Карамзин на вопрос, «неужели никогда не было в России крестьян-владельцев?» отвечает так: «По крайней мере, не знаем, когда они были. Землю им отдавали внаем те, кто получал ее от царя» (*Карамзин Н. М.* История государства российского. Т. 5–8. С. 420).

²²⁴ Цит. по: *Рыбаков Б. А.* Мир истории. С. 227–228.

Иван IV остановился на пути в Кириллов. На вопрос царя о том, как ему успешно царствовать и держать вельмож своих в послушании, Топорков ответил: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех; если так будешь поступать, то тверд будешь на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». По мнению А. Курбского, после этой встречи царь полностью изменился, перестал слушать советов и правил самостоятельно.²²⁵

Ссылки Волоцкого и Топоркова на Библию укрепляли уверенность Грозного в богоизбранности собственной власти: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению» (1-е посл. к римлянам, 1–2; 5); «Надобно повиноваться не только из страха, но и по совести» (там же: 5); «Берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждениями беззаконников и не отпасть от своего утверждения...» (2-е посл. св. ап. Петра, 17); «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как чревоугодники, но как рабы Христовы, выполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам... И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у которого нет лицепрятия» (Посл. к ефесянам, 5–9); «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым» (1-е посл. св. ап. Петра, 18).

Веря в свою богоизбранность, он считал себя орудием высших начал и не допускал мысли о каком-либо посягательстве на свою волю, тем более в виде непрошеного совета. Поэтому-то слушал он только тех, кого хотел слушать, награждал того, кого хотел награждать, и наказывал тех, кого считал нужным наказывать. Совершенно естественно, что при такой системе власти место боярского совета явно второстепенно, а влияние на политику государства ничтожно.²²⁶

В полемике с Курбским, говоря о власти самодержца и посягательстве на нее со стороны подданных, Грозный пишет, что пользуется ею не из гордости и хвастовства: «Нечем мне гордиться, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил. Скорее это вы надуваетесь от гордости, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан и учите, запрещая и повелевая».²²⁷ Он обвиняет Адашева и Сильвестра в стремлении утвердить в Русском государстве систему ограниченной монархии, где царь «почтен» лишь «председанием», обладает лишь номинальной властью, в то время как власть реальная находится в руках его советников.

Обосновывая единовластие, Грозный приводит библейскую истину: «Горе мужу, которым управляет жена, горе городу, которым управляют многие!» (Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 25:24). При этом он ссылается на недавнюю русскую историю, вспоминая о разорении, которое было на Руси, когда в каждом городе существовали свои начальники и правители, и делает вывод: «Если не будет единовластия, то даже если и будут люди крепки, и храбры, и разумны, но все равно уподобятся неразумным женщинам, если не подчинятся единой власти», так как «при правлении многих – один хочет одного, другой другого».²²⁸ Царство, раздираемое междоусобной распрей и смутой, нежизнеспособно, так как «царство разделенное не может устоять» (Мрк, 3:24).

²²⁵ Цит по: *Соловьев С. М.* Соч. История России с древнейших времен. Т. 3. С. 515.

²²⁶ Поначалу Грозный, по-видимому, питал искренний страх перед своей «избранной радостью» и верил в то, что находится во власти своих советников, что их «собачье собрание» распоряжается всеми делами, оставляя ему лишь честь «председания и царствия». Преодолев этот страх, он разогнал опасное собрание. Учреждение опричнины было актом самообороны, последовавшим вслед за побегом Курбского (см.: *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. С. 45).

²²⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 155.

²²⁸ Там же. С. 134.

В этом вопросе он соглашается с Пересветовым,²²⁹ утверждавшим, что причиной гибели многих библейских государств, да и самой Византии, было подчинение царей вельможам, ибо представительное или коллективное правление не может привести к благу государства, так как власть не дается подданными, она от Бога, наследственная, всеобъемлющая и никому не подконтрольная.²³⁰

Пересветов призывал Ивана держать в узде вельмож и богачей, положить конец произволу бояр и проявлять к ним суровость. Пересветов ненавидит аристократию, хочет полного уравнивания всех служилых людей, возможности развития талантов из среды простых шляхтичей, для достижения чего необходимо отодвинуть боярство от влияния на царя и создать сильную монархическую власть, опирающуюся на армию. Опора делается на средние слои населения, что непременно ведет к усилению демократической тенденции.

Государство, считал Пересветов, должно быть построено по военному образцу: правление должно быть грозным, юстиция – краткой, суд – суровым. Эталон – государство и войско Магомета II (1451–1481), покорителя Константинополя,²³¹ и Солимана П.²³² Дальнейший ход событий, в частности понятие о самодержавии, учреждение опричнины и «грозное правление», говорят о том, что идеи Пересветова оказали серьезное воздействие на Ивана IV.

Итак, после осознания своего великого предназначения Иван IV решил освободиться от тех, кто мешал реализации этого предназначения.

Учреждение опричнины и террор опричников были вызваны стремлением упрочить самодержавную власть, окончательно освободиться от опеки боярства, способного ограничить власть царя.²³³ Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов детские обиды Ивана на бояр, его многочисленные жалобы на казнокрадство.²³⁴ Именно с этими обстоятельствами было связано уложение в 1550 г. нового «Судебника», который был гораздо лучше систематизирован, чем предшествующий, и учитывал судебную практику, исходя из которой были отредактированы многие его статьи. В частности, впервые устанавливались наказания для взяточников – от подьячих до бояр.²³⁵

Если же обратиться к экономическим результатам опричнины, то можно заметить, что она не изменила структуру феодального землевладения в России. Крупные землевладельцы благополучно пережили опричнину, изменился их персональный, но не социальный состав.²³⁶

Говоря о социальных результатах опричнины, невозможно не обратить внимания на то, что она совершенно уничтожила остатки человеческой свободы, которая была противна Ивану и своеобразно им понималась.²³⁷ Опричнина так повлияла на формы российского крепостни-

---

²²⁹ Грозный, по-видимому, не только хорошо знал работы Пересветова, так как многие из них были напрямую ему адресованы, но и пользовался отдельными его положениями.

²³⁰ Пересветов, говоря об истории гибели Царьграда, обвиняет греческого царя Константина в кротости, уступив власть вельможам, он способствовал порабощению ими народа. Такая коллективная форма правления воспринимается Пересветовым как не имеющая «правды», а «коли правды нет, то и всего нет... веры, государя и христианского добра». Необходимо подчеркнуть, что «неправда», по Пересветову, – это прежде всего закабаление людей, т. е. отсутствие у них свободы (Сочинения И. Пересветова. М.: Л., 1956. С. 163, 172, 181, 176).

²³¹ Многочисленные ссылки на Турцию, привлечение степных князей на службу, лавирование в вопросах истинности веры – все говорит об определенной веротерпимости Московского царства.

²³² См. об этом: *Виннер Р. Ю.* Иван Грозный. С. 107.

²³³ Заточник, говоря о дееспособности князя, использует формулу «царская гроза», характеризующую порядок и твердость власти.

²³⁴ В одном из писем Курбскому он жаловался, что бояре плохо кормили и одевали его с братом, оскорбляли память отца, крали казну.

²³⁵ См.: *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма. С. 155.

²³⁶ Там же. С. 144.

²³⁷ Идею свободы Грозный противопоставлял необходимости жесткой и суровой власти. При этом использовал библейские обоснования этой мысли, так как все в жизни происходит по Божьему промыслу, беды и несчастья государств даются Богом в наказание за грехи человеческие.

чества, что юридически с течением времени оно все больше напоминало рабовладение: крестьянин был прикреплен в большей степени к личности феодала, чем к земле, никакие государственные нормы не регламентировали отношения барина и крепостных.²³⁸ При Иване IV не только прекращен крестьянский переход, но и положение крестьян было доведено до крайности. Об этом свидетельствуют и работы Пересветова и Матфея Башкина, и публицистика представителей ортодоксально-церковного направления. Ермолай Еразм, Максим Грек, Вассиан Патрикеев и даже Иосиф Волоцкий обращали внимание царя на тяжелое положение крестьян и предлагали различные меры для его изменения.²³⁹ Об угнетении народа²⁴⁰ пишет и Курбский. Перечисляя бедствия всех чинов государства, он указывает, что «купеческий чин и земледельц... стражут, безмерными данями продаваемы».²⁴¹ Любопытна явная демагогия Грозного по поводу того, что он сам готов пострадать ради христиан в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти. Он верит в то, что ему, как рабу, предстоит Божий суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи подданных, совершенные из-за его (царя) неосмотрительности.²⁴²

Наконец, самое главное «завоевание» опричнины – с ее помощью был установлен такой деспотический режим, при котором возникло своеобразное равенство всех сословий: и бояре, и дворяне, и купцы – все стали рабами царя.

Характерной чертой правления Ивана IV, и не только его, было то, что власть организует все силы общества для войны, собирает промышленную деятельность для военных финансов; правительство хочет, чтобы таланты и капиталы всех служили ему одному. Оно берет на себя слишком много руководства, ничего не оставляя самостоятельности общества. В этом заключался как источник великой силы и могущества Московского государства, так и главная опасность, так как общество молчало и правительство не могло знать о перенапряжении его сил.²⁴³

Подобная жесткая централизация приводит к тому, что общество перестает думать, а человек – самостоятельно принимать решения; зависимость от государства ведет к пассивности людей и преувеличению ими возможностей государства, представители которого также склонны преувеличивать свои силы и полномочия. Да и откуда может взяться самостоятельность, если право частной собственности и элементарные свободы отсутствуют?

Любые начинания государства, требующие массового участия и местной самостоятельности, чаще всего были сопряжены с колоссальными трудностями. Например, реформы местного управления проводились в жизнь чрезвычайно тяжело. Пожилые и не очень здоровые люди, ставшие губными старостами (было предписано избирать на эту должность лишь тех дворян, кто уже не способен к военной службе), не горели желанием бросать свои имения и бесплатно выполнять многотрудные административные обязанности. Многие отказывались целовать крест,²⁴⁴ без чего нельзя было вступить в должность, некоторые уезжали из своих уездов в Москву. Новоявленных администраторов приходилось ловить, сажать в тюрьму или насильно отправлять в свои уезды.²⁴⁵

²³⁸ См.: Юрганов А. Л. У источников деспотизма. С. 147.

²³⁹ Известно, что на Стоглавом соборе один из высших иерархов, Иоасаф, говоря о положении крестьян, предлагает освободить их от одного из разовых налогов и перенести его бремя на монастыри (см.: Виннер Р. Ю. Иван Грозный. С. 134–137).

²⁴⁰ Грозный был достаточно популярным человеком среди народа, при этом источником этой популярности была ненависть народа к своим притеснителям – боярам. Кстати сказать, обвиняя бояр в различных грехах и объявляя им опалу, Иван в своих грамотах москвичам из Александровой слободы, писал, что никакого гнева на них у него нет (см.: Там же. С. 156).

²⁴¹ См.: Письма А. М. Курбского к разным лицам. СПб., 1913. С. 40.

²⁴² См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 155, 149.

²⁴³ См.: Виннер Р. Ю. Иван Грозный. С. 165–166.

²⁴⁴ Во времена Юстиниана на государственную службу принимались только православные, да и те должны были приносить клятву верности императору и долгу на Евангелии и при свидетелях.

²⁴⁵ См.: Юрганов А. Л. У истоков деспотизма. С. 156.

Однако очень скоро, после образования Московского государства, центральные органы управления стали строить свою работу не только по функциональному, но и по территориальному принципу, что явилось немаловажным фактором, обеспечивающим единовластие, поскольку подобное учреждение органов местного управления не предполагало развития политического самосознания. Вот что пишет по этому поводу П. Н. Милюков: «При самом начале развития наших учреждений мы наталкиваемся на огромную разницу с западом. Там каждая область была плотным замкнутым целым, связанным особыми правами... Наша история не выработала никаких прочных местных связей, никакой местной организации... Присоединенные к Москве области распадались на атомы, из которых правительство могло лепить какие угодно тела. Но на первый раз оно ограничилось тем, что каждый такой атом разъединило от соседних и привязало административными нитями к центру».²⁴⁶

Завершая разговор о времени и условиях становления самодержавия в России, по-видимому, следует солидаризироваться с мнением Г. В. Плеханова, который, отвечая на вопрос о том, что нового внес Иван IV в теорию и практику Московского государства, писал, что введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном отношении. Идеология русского самодержавия, возникшая во времена Грозного, есть идеология абсолютной монархии в «восточном смысле слова».²⁴⁷ Думаю, однако, что Грозный, обладавший глубокими знаниями, черпал свою государственную инициативу не только из татарского прошлого Руси и византийского опыта, но и из Рима, поскольку последние имели общие корни.

И здесь необходимо обратить внимание на то, что Рим, создав мощнейшую политическую традицию, практически не был озабочен ее идеологической подпоркой, а жречество не оказывало значительного влияния на жизнь общества, в то время как Византия, напротив, обладала высочайшей духовностью, но ее внутренняя политика не принесла каких-либо серьезных инновационных элементов. России, прямой наследнице Византии и косвенной – Рима, удалось не только сохранить византийскую духовность (идеологию), но и воспользоваться некоторым политическим опытом Рима.²⁴⁸

Разговор о римском опыте вполне уместен, и примеров заимствования достаточно много. Скажем, не использовал ли Иван IV (Петр I, большевики и другие реформаторы) уроки проведения и результаты реформ Сервия Туллия (538–535 гг. до н. э.), предпоследнего римского императора? Уравняв по территориальному принципу патрициев и плебеев и разделив их по экономическому принципу, Сервий Туллий подорвал могущество старой родовой знати и вывел на политическое поле силы, ранее и не помышлявшие об участии во власти, что было, по-видимому, первым шагом к равенству всех перед государством; а заменив родовое войско единой военной обязанностью для всего населения, ввел новый принцип комплектования армии – народное ополчение; он положил начало образованию двух классов общества – имеющих и не имеющих политические права,²⁴⁹ каждый из которых обладал разными правами и обязанностями по отношению к государству²⁵⁰.

Аналогии здесь вполне уместны: Грозный брал на вооружение только то, что вписывалось в его понимание власти. Если же говорить о последнем тезисе и политических правах, основанных на собственности, то надо сказать, что российский вариант такого общественного

---

²⁴⁶ См.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. 1. С. 197.

²⁴⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. С. 191.

²⁴⁸ К сожалению, подходы римлян к укреплению и развитию государства с позиций экономики остались невоспринятыми.

²⁴⁹ После принятия закона Волерона Публилия (471 г. до н. э.) в Риме стали признавать, что политические права имеет только собственник земли, а выборы проводятся не в куриях, а по округам.

²⁵⁰ См.: Егер О. Древний мир. СПб., 1997. С. 358–360, 366, 371.

деления выглядел более экстравагантно, чем римский.²⁵¹ Все будущие реформаторы России, за исключением, пожалуй, только П. Столыпина, рассуждая о вопросах прав человека, думали прежде всего о политических правах и никогда о правах экономических. Видимо, это еще одно подтверждение известного тезиса о том, что политическая составляющая общественного развития не может развиваться без экономической базы. Политическое сознание возникает только на основе собственности, которая, в свою очередь, дает некоторую, безусловно относительную, независимость от государства.

В результате в России сложилось два уклада, при этом принесенные ими принципы организации так глубоко внедрились в массовое сознание, что любое развитие общественной, и тем более государственной, жизни виделось и во многом продолжает видеться как некая относительно устойчивая комбинация характеристик, свойственных удельному и единойдержавному укладу.²⁵²

Необходимо сказать, что политический спор между Грозным и его оппонентами при его жизни закончен не был, и Иван, впрочем как и многие из его критиков, так и не узнал о том, сбылись ли те или иные его пророчества. Думаю, будет справедливо сказать, что основные принципы государственной власти, построенной Иваном Грозным, остались неизблемыми и после его смерти. Об этом писал Д. Флетчер в своей книге «О государстве Российском».²⁵³ Приведем его отдельные наблюдения:

- «правление у них чисто тираническое»;
- «дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым, или низшим, классом народа и угнетать его во всем государстве, куда бы лица этого сословия ни пришли, но особенно там, где они имеют свои поместья или определены царем для управления»;
- «и дворяне и простолюдины в отношении к своему имуществу не что иное, как хранители царских доходов, потому что нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки»;
- «жизнь человека считается ничем»;
- «о состоянии низшего класса и простого народа... о свободе их можно судить по тому, что они не причислены ни к какому разряду и не имеют ни голоса, ни места на соборе или высшем земском собрании. Они сами себя признают холопами, т. е. крепостными людьми или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами царя»;
- «что касается до земель, движимого имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию и на самом деле нисколько ни ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат»;
- «дворяне и духовенство... довольствуются тем, чтобы все бремя лежало на простолюдинах и что могут облегчить сами себя, сваливая все на них»;
- «закон, обязывающий каждого оставаться в том состоянии и звании, в котором жили его предки, весьма хорошо продуман для того, чтобы поддержать подданных в рабстве... сын

²⁵¹ Уже в 510 г., через несколько лет после смерти Сервия Туллия, Рим стал республикой. После смерти Грозного и смуты Россия имела определенные шансы, но не сумела ими воспользоваться.

²⁵² Признаки первого: раздробление целого без совершенного его уничтожения, самобытная жизнь частей без нарушения взаимного сходства, перевес обычая над постановлением, побуждения над законом, произвола над учреждением, личной свободы над сословностью, чувства над долгом, родственности над государственностью, слабость власти, неопределенность форм, народоправление в образе частных веч, движение и брожение. Во втором укладе части сплачиваются, формы определяются, личность укладывается в сословные разграничения, обычай преобразуется в постановление, закон стремится дать направление и суд побуждениям, родственность и народоправление покоряются государственному началу (см.: *Костомаров Н. И. Тайна истории. С. 82*).

²⁵³ Надо сказать, что заметки Д. Флетчера о России написаны под влиянием идей политического либерализма, весьма популярного в то время на Западе. В XVI в. он был представлен талантливой школой «монархомахов», которые пропагандировали разумность парламентаризма и призывали бороться с неограниченной монархией.

мужика, ремесленника или земледельца остается навсегда мужиком, ремесленником и проч. и не может идти далее, кроме того чтобы, выучившись читать и писать, достигает до повышения в священники или дьячки».²⁵⁴

Наконец, Д. Флетчер писал, что политика Ивана Грозного «так потрясла все государство и до того возбудила всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе как гражданским пожаром».

Так, собственно, и случилось: после смерти Ивана IV началась смута, и развитие государственности на Руси вполне могло пойти по польско-литовскому сценарию, где отсутствовало единство государства и шляхта каждой области создавала маленькое, вполне самостоятельное общество со своим парламентом, который направлял в общегосударственный сейм своих депутатов, наделяя их полномочиями, связанными с интересами местной корпорации. Однако этого не произошло.²⁵⁵

---

²⁵⁴ К сожалению, необходимо констатировать, что так возникшее наше национальное своеобразие постепенно переросло в национальное самосознание, многие черты которого не изжиты до сих пор.

²⁵⁵ См.: О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // О государстве Русском. СПб., 1906. С. 21, 30–32, 53–57, 124–125, 127–129.

Глава 2

Зарождение и попытки ограничения самодержавия в XVI–XVII вв.

§ 1. Субъекты и изначальные попытки ограничения самодержавия

Несмотря на выстроенную московскими царями систему власти, борьба за ограничение самодержавия велась параллельно с его упрочением и началась одновременно с первыми попытками усилить власть единоличную. В этом заключается, может быть, главный парадокс российской истории.

Предположительно с тех времен, когда в России стала выкристаллизовываться идея единовластия, возникли, развивались и сохранялись, в той или иной степени организованные²⁵⁶ и влиятельные, общественные группы, которые в разное время и с различным успехом создавали известный противовес княжеской, а затем и царской власти. Как уже говорилось, это православная церковь в лице своих высших иерархов, боярство и служивое сословие.

Попробуем проанализировать поведение духовенства и боярства в борьбе за участие во власти и ответить на вопрос, почему они так и не сумели ограничить российское самодержавие.

Церковь. Христианизация Руси (а россияне, как известно, были обращены в христианство последними в Европе) принесла с собой мощное культурное влияние Византии. Появляется новый общественный класс – духовенство, возникает новое, церковное общество, у которого свои правила и законы, иерархия, свой круг лиц и подведомственных учреждений. Все это положило начало постепенному развитию нового взгляда на общественные отношения.

Выбор Русью православия был вполне естественным, если принять во внимание тогдашнее богатство и могущество Византии, а также особое значение для Древней Руси торговых отношений с ней. Однако то, что Россия восприняла христианство у Византии, а не у Рима, имело далеко идущие последствия для ее дальнейшего исторического развития. Она стала единственным государством Европы, унаследовавшим византийскую схему построения государственно-общественных отношений. Видимо, это стало одним из наиболее судьбоносных факторов российской истории.

---

²⁵⁶ В то время как светское общество было погружено в хаос случайных, неопределившихся отношений, когда среди розни, внесенной господством мелких частных и местных интересов, еще недавно пришедших во взаимное столкновение, не существовало крепкой объединяющей силы, церковь явилась первой сравнительно стройной общественной средой, организованной по готовому образцу, управляемой твердыми законами (см.: *Ключевский В. О.* О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода // *Православие в России.* М., 2000. С. 502–503).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.